

У 381
199

ф. БЕРЕЗОВСКИЙ.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ-1925.

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ

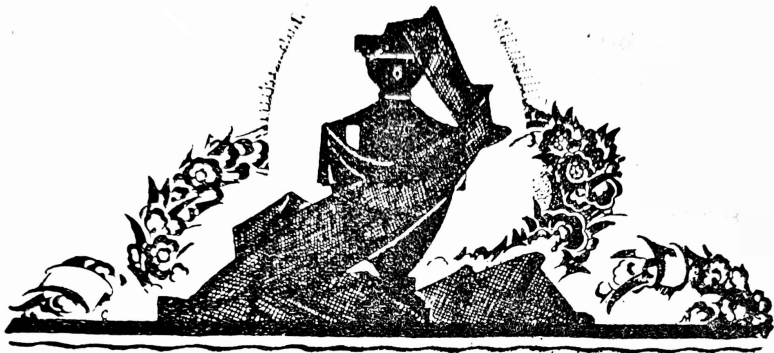
МАТЬ

ПОВЕСТЬ О ВЧЕРАШНЕМ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

Отпечатано в тип. „ДЕР ЭМЕС“
Москва, Покровка 9, в кол. 5.000 экз.
Главлит № 39738

*Товарищу-революционеру
И. В. БЕРЕЗОВСКОЙ
посвящаю.*

1.

День был праздничный. А городок тоскливо и пустынно плакал. Небо куталось в свинцово-серое покрывало. Ветер вырывал из него огромные сизые клочья, швырял по всем направлениям, тянул к земле. Мокрые полосы долго и торопливо кропили городок; с воем и свистом уносились далеко в степь; снова налетали и снова подолгу кропили; холодные мелкие слезы монотонно шуршали по крышам домов; уныло хлюпали по водосточным трубам; порывисто обмывали корявые морщины земли и крутые

лысины мостовых; тоскливо капали с заборов и облинявших тополей.

В кривых улицах и переулках мелькали одинокие фигуры пешеходов, прятавших головы в плечи, а руки в карманы.

Изредка по прямой и длинной мостовой проносился с вонючим чадом серый автомобиль; болтался на взмыленной лошади казак с красными лампасами, в мохнатой папахе.

Степанида бежала кривым переулком по направлению к мостовой и дальше — к реке. Спешила к пристани.

Пароход уходил в двенадцать ровно. А было уже больше десяти.

До отхода надо отдать вещи и деньги.

Партия в двести человек. Почти половина голых и голодных.

Бежала потная, покрасневшаяся. Не замечала холодных порывов ветра и колючих полос мелкого дождя.

Голова полна тревожных дум:

— Не опоздать бы... не влопаться!?. Начнут допрашивать, азиаты...

Боялась, чтобы не опоздали телеги с вещами и провизией.

Беспокоилась о детях:

— Как они... накормила ли Ольга!?

На ногах с шести часов утра. Обегала всех членов подпольного Красного креста; ходила в больничную кассу — за деньгами; покупала мясо, хлеб, табак; собирала шитые и старые вещи.

Только сейчас управилась.

Деньги получены, вещи и провизия на двух телегах отправлены другими улицами. Товарищи из Красного креста должны быть уже на пристани.

А тут свои заботы.

Письмо от мужа получила—две строчки.

„Живы и здоровы. Ожидай в скором времени. Приготовь квартиру для одного“.

Почти полтора года не было известий. После чехо-словацкого переворота оба с сыном ушли с красными—в Россию.

И вдруг—письмо! В Сибири оказался... в городе... едет!...

Думала о сыне—сердце болезненно ныло.

— Оба здоровы... а едет Федор... один!.. Где он-та... соколик мой!.. Леня!..

И опять домашнее в голову.

Тревожилась из-за работы, которую дочери поручила.

Второй день рыли с Ольгой подкоп в подполье.

Порешили дома отца прятать.

—Выроем... зашьем досками... надежнее...

Одного боялась:

—Не накрыли бы Ольгу... пока сама в отлучке!.. Девчонке четырнадцать лет... растеряется... впустит!..

Зыкалась в грудь тревога. От быстрой ходьбы лицо пылало. А по телу мурашки бегали.

Вышла из переулка на мостовую — к церкви.

Слева, навстречу, двигалась процессия:

—Крестный ход...

Вспомнила:

—Архиерей приехал... казаков подбадривать!. Вот идола!.. И непогода не держит...

С высокой зеленой колокольни срывался унылый перезвон.

Налетела полоса мелкого дождя.

Окропила реденькую черную толпу.

Против переулка казаки нагайками разгоняли одиноких пешеходов.

Один наскочил на рабочего, стоявшего в фуражке.

Взревел:

— Шапку!.. Мать твою...

Вытянул рабочего нагайкой по спине.

Метнулся к старухе, переходившей мостовую:

— Уходи!.. Старая сволочь...

Вытянул и ее нагайкой.

Полетел дальше.

Рабочий, молча, злобно смотрел вслед.

Старуха подняла тонкую, берестяную руку:

— Собака!.. Штэбы-те... ни дна, ни крыши!..

Несли казаки по мостовой, размахивали нагайками над головами пешеходов, орали:

— Уходи!..

— Сторонись!..

Степанида на углу остановилась.

Черная толпа медленно двигалась мимо 'переулка.

В разноголосицу тянула:

— Спа-си, го-о-спо-ди, лю-у-ди тво-я-а-а...

И бла-го-сло-ви до-сто-я-а-ни-е тво-е-е-е...

Впереди шагали три сухопарых чиновника в потертых пальтишках, — несли потухший фонарь и мокрые хоругви. За ними шел высокий чернобородый архиерей, окруженный попами и подпевалами. Все в черных бархатных ризах с

серебряными галунами. Позади попов двигались несколько дам в шляпах, два седых генерала, офицеры, военные чиновники.

За офицерами, медленно и вразброд шла пестрая толпа торговцев, женщин, милиционеров и чехов.

Шествие замыкал взвод конных казаков.

Ветер порывисто трепал мокрые хоругви, кропил толпу мокрыми колючими каплями, злобно шипел по шершавому булыжнику, с воем уносился в степь за реку.

Уныло перекликались колокола.

Женские голоса визгливо вытягивали:

—И твое-э со-хра-ня-а-я... тво-им жи-тель-стов-о-о...

Степанида смотрела на удаляющуюся процессию, озиравась по сторонам и смеялась:

—Как есть похороны!.. Колчака погребают!.. Тоже... Народ!.. Тьфу!..

Плюнула и понеслась через мостовую — к следующему переулку.

2.

Бушевала река.

Над зеленой поверхностью курчавили белые барашки.

Волны бешено бились о стенки буксирного парохода, о пристань, у которой стоял пароход; пенистыми гривами взлетали вверх; серебристым веером рассыпались и падали обратно в зеленую пучину.

Пароход чуть заметно покачивался, скрипел и жался к пристани: выбрасывал из трубы курчавую черную ленту—высоко, к сизому клубящемуся небу.

Ветер выл, заплетался вокруг натянутых веревок и паровой трубы, рвал с мачт трехцветные флаги.

Полосы мелкого дождя летели за реку. Далеко, над степью, висели длинным серым полотнищем.

Партия арестованных, окруженных вооруженными чехами, подвигалась к пристани.

У сходней, по одну сторону, стояли пешие казаки с офицером; по другую небольшая толпа рабочих и женщин. Тут же, около них, стояли

две телеги, нагруженные бельем, рваными пиджаками, старой обувью и провизией.

Котельщик Дементий Суров вел переговоры с офицером о передаче вещей арестованным.

Бегали и толкались шпики.

Степанида стояла в задних рядах. Обтирала платком раскрасневшееся лицо, пристально рассматривала большими синими глазами подходившую огромную толпу. Прядь черных волос выбилась на ходу из-под полушалка, висела над бровью, мешала смотреть. Степанида не обращала внимания. Впилась в длинную и пеструю колонну.

Мокрые, скорчившиеся, подходили к казакам; останавливались, сбрасывали прямо в грязь котомки и узелки. У большинства не было никакого багажа.

Все молодые, безусые, с испитыми, давно немытыми лицами; многие похожи на посиневшие мокрые скелеты,—еле на ногах держатся. Одни в рваных пальтишках, пиджаках и шинельках; другие накинули поверх рубах и голой головы дырявые мешки, старые рогожи; несколько человек в одних рубахах—без кальсон, иные в кальсонах, но без рубах:—просто прикрыли

голое тело мокрыми мешками и рогожами. Много босых, ноги до колен в холодной грязи; сквозь толстую корку грязи сочилась кровь. У многих на лице и на руках короста и струпья. Одинок мелькали пожилые и бородатые.

Останавливались, переминались с ноги на ногу, сморкались, простудно кашляли; обтирали грязными лохмотьями мокрые лица.

Чехи стояли вокруг толпы—сытые, в новеньких шинельках и сапогах.

Тупо посматривали по сторонам. Курили трубки.

Арестанты запрудили весь берег около пристани.

Разноголосно гудели.

Толпа рабочих и женщин ринулась навстречу.

Казакi остановили:

— Куды? Осади!..

— Нельзя!..

— Осади!.. Скажут, когда можно...

Степанида из задних рядов пробиралась вперед. .

Дементий Суров увидал—загородил дорогу:

— Ради истиннова!?.. Степанида Петровна!?..

Дети у тебя...

У Степаниды лицо пылало, горели большие синие глаза, голос срывался:

— А это... не дети!?

Дементий теребил прокопченную куделю на морщинистом лице, шипел:

— Засыпишься... кто робить будет!?! В тюрьме ишшо боле ста душ!..

— Не могу, Дементий!..

— Ради истиннова!?! Сделаю... без тебя!..

Степанида остановилась.

Дементий нырнул вперед.

Началась передача партии казакам.

Проверяли два чеха и казачий офицер с рядовыми.

Вызывали по списку. По одиночке пропускали на пароход.

Торопливо бежали под крышу парохода, корчились, кутались в лохмотья и рогожи.

На пароходе толпились вокруг теплой трубы, около машинного отделения.

В толпе женщин толкались шпики.

Ласково заговаривали:

— Вы, что же... родственники?

— Родственники!..

— Дети наши!..

— Мужей провожаем!..

— Так, так... молодежь!.. По глупости страдает!..

— Знамо, по глупости!..

— Кабы ум был...

— Так-так... молодо-зелено!..

За последней парой казаки ушли на пароход.
Чехи построились по четыре человека в ряд.
Перекинули за плечи винтовки и двинулись
в город.

Степанида нетерпливо дергала концы полушалка, запахивала жакетку.

Смотрела через головы на рваный муравейник под навесом парохода, — сердце кровью обливалось.

— Детушки!.. Матери-та ваши... не знают... не чувт!..

Хрипло загудел пароход.

Первый свисток.

К толпе подошел казачий офицер.

Сиповато заговорил:

— Всех не могу пустить!.. Выделите человек
трех мужчин... одну или двух женщин...

Толпа запротестовала:

— По какому праву!?

— Шенки они нам?..

— Каторжникам дают свиданья!..

— На што похоже?..

Офицер взмахнул нагайкой.

— Не орите!.. Все равно... не пушу... не имею права!..

— Безобразие!

— Нельзя так!..

— Издевка над людьми!..

— Будете орать... совсем не пушу... Выделяйте... живо!.. Одного кого-нибудь грамотного... Вещи забирайте...

Степанида кинулась вперед.

Дементий Суров дал ей дорогу, сердито покосился:

— Ну, скажи на милость? Куды лезет человек!?

Вещи и провизия быстро полетели на палубу. Таскали трое рабочих. Дементий укладывал буханки, разбирал старье. Степанида, с товаркой из Красного креста, выдавала новое бязевое белье, старые пиджаки, пальто, башмаки.

Молодой казак наблюдал.

Кругом шла давка. Тянулись все. Смеялись. Шутили:

— Ну-ка, пропусти!.. За фраком я!..

— А мне штиблётые.. лакированные штобы!..

Обязательно!!..

Дементий работал локтями.

Кричал:

— Товарищи!.. Не все сразу... хлеб и протчие—после!.. Спервоначалу голых... Товарищи!..

Степанида скользила глазами по измученным смеющимся лицам, по шелудивому голому телу.

Ласково подзывала:

— Подходи, сынок... подходи!..

— Одна рубаха?.. Вот штаны... На-ка... одевай!..

— Товарищ!... вон тот... ноги-та в крови!.. получай-ка! Сапоги как раз по тебе...

Сбоку, сквозь толпу рабочих, проталкивая бородатое лицо, улыбаясь, повторяла:

— Никто не даст нам избавленья!.. Сами себе!.. Никто...

Встретился простыми ясными глазами со взглядом Степаниды:

— Правильно, товарищ женщина! Сами себе поможем!

— Правильно!

Толпа колыхалась, гудела,

Тут же надевали полученные рубахи, кальсоны, башмаки, пиджаки.

Мешки и рожи бережно свертывали—тащили в трюм.

Осматривали друг друга, подтрунивали:

— Петька-та... Кавалер!.. В брюках и при штиблетах!..

— Товарищ Синцов!.. В таком костюме вам можно... прямо к Колчаку в сиклитари!

Белокурый мужик в бязевой рубахе стоял около борта, деловито рассматривал истлевшее грязное тряпье.

Молодежь смеялась:

— Брось в реку!.. Куды дерма!?..

— Жалко... пригодится! Только... вошь не сусветная!..

Откуда-то вынырнул офицер. Подошел к казаку.

Спросил:

— Баженов... чай готов?

— Так точно, ваш бродь!..

— Сейчас тебя сменит Кайданов... Возьми хлеба, масла... После третьего будем пить..

— Масла нету, ваш бродь!..

— А это... боченок?

— Это арестантам, ваш бродь!.. Родные привезли!..

Черное лицо с реденькими усами стало коричневым. Молча пошел к сходям.

В уме ругался.

— Сволочи!.. И тут спайка!.. Дома—с голодудохнут... а своим тащат!.. Расстреливать эту рвань...

Около Степаниды остановился

— Кто такая?

— Видите... женщина!..

— Я спрашиваю фамилию... Кто у вас тут?

— Фамилия?.. Зубкова... зовут Степанидой...

Петровна по отцу...

— Кого провожаете?..

— Знакомых...

Офицер метал злобные взгляды.

— Ваш документ?

— Какие же документы... не в Россию еду...

Вмешался Дементий Суров:

— Знакомая моя, господин офицер... сына провожаю!.. Вон паренек-та мой в пароход спустился... Могу засвидетельствовать...

Офицер стукнул шашкой о палубу.

Полетел к сходям.

Прохрипело два свистка.

Степанида передала двум старостам по триста рублей. Дементий взял от них расписки в получении денег и провизии.

Спустились на пристань.

Рабочие и женщины переговаривались через борты с арестованными.

Дементий шел и шипел Степаниде в ухо:

— Уходи, Петровна... ради истиннова!.. Слопают, варвары!..

— Ладно... Подавятся!..

Притулилась в сторонке — между женщин.

Смотрела на рваный муравейник.

Много еще осталось в мешках и рогожах.

Жмутся поближе к трубе. Кашляют. Глаза лихорадочно блестят.

Вспомнила сына. В горле защипало.

— Може, вот так же... страдает!..

А ветер по прежнему свистел вокруг колонок, рвал трехцветные флаги с мачт, разбрасывал над пенистой рекой черные клубы дыма. К бортам летели серебристые брызги.

Из города опять принесло полосу мелкого дождя.

Закропил, зашуршал по крыше пристани,
по навесу над трюмом парохода.

Три свистка—длинных, хрипатых.

Забегали, засуетились матросы.

Тяжело громыхали сходнями. Щелкали зубами цепей. Булькали по воде чалками.

Капитан глухо басил в рупор:

— Передний!..

— Тихий!..

Дрогнула железная посудина. Зашлепала красными крыльями по зеленой кипени. Заклубилась черная полоса—от трубы к корме.

Пароход отделился от пристани.

Поплыл.

С бортов гудело:

— Прощайте!..

— Лихом не...

— Не забывайте!..

— Товарищу Стеклову привет!..

— Старикам..

— Прощааааа..

С пристани срывались короткие твердые слова:

— До свиданья!..

— Не забудем!

— Скоро!..

И там и тут махали платками и фуражками.

Степанида смотрела на удаляющийся пароход с гудящим муравейником и чувствовала, как в груди с кровью рвется и уплывает в мутную даль что-то большое, близкое и родное.

Покачиваясь над бушующей рекой, пароход резал зелено-белую клокочущую кипень, хрипло свистел и захлебывался белым паром. Удалялся все дальше и дальше в серую полосу дождя, висевшего над рекой.

Изредка в черных клубах дыма мелькал трехцветный флаг.

Красные колеса отчаянно шлепали по головам белых барашков и долго приговаривали:

— Ча-чак; чак-чак; Чак-чак; чак-чак...

3.

Полночь.

Но не спалось.

От беготни и от непривычной работы ныли руки.

Тревожно постукивало в груди.

Смотрела открытыми глазами в черную пустоту.

Прислушивалась к ночным звукам и шорохам.

Перебирала в памяти дневные впечатления.

Думала о письме мужа.

Волновалась и радовалась.

— Зачем едет?.. Почти весь город знает в лицо!.. Поймают... погибель!..

За окнам выл ветер. С реки доносился отдаленный шум волн. По обоям ползали и шуршали тараканы. Где-то в углу скреблась мышь.

У противоположной стены, на кровати, металась и турусила дети:

— Ххы-ы...

— Мама!..

— Не лезь!..

Слышно было, как в кухне ворочалась и тяжело вздыхала старшая дочь Ольга.

— Бедная... тоже умаялась!.. Сколько за день одной земли переверочали!?.. Устала... не уснет!..

По временам порыв ветра с ревом налетал на маленький домик, ожесточенно хлестал оторвавшейся доской об ворота.

Степанида вздрагивала и прислушивалась.

Думала:

— Кто-то стучит!?

Но ветер летел дальше. Доска у ворот тихонько скрипела. С реки доносились всплески волн.

Успокаивалась.

И опять думала—о сыне, о письме мужа.

Ноющие руки напоминали о проделанной работе.

Только сегодня закончили.

Подполье завалили землей на поларшина. Землю утрамбовали и посыпали сухим мусором. Стенку подполья снова заделали. Самую нижнюю доску укрепили на ремнях. Открывалась, как дверка,—внутри подкопа. К стенке навалили пустых ящиков, заставили мешками с картошкой.

Ольга в кухне опять заворочалась.

Вздохнула и тихо спросила:

— Мама... ты не спишь?

— Нет... а што?

Ольга быстро зашептала:

— Ты не заметила, мама?.. Уж несколько дней... мимо нас ходит человек... В сером пальто и в темных очках...

— Ну, штож... пусть ходит!..

— Сегодня к нему подходил чех!.. О чем-то говорили... показывали на наш дом... Я шла из лавочки... видела ..

— Знают... кто мы!.. Следят... пусть следят!..

Ольга помолчала и опять зашептала:

— Мама... подкоп-то... худо мы сделали!.. Завалится!?..

Точно ножом полоснуло по сердцу Степаниду.

Подавила тревогу.

Спокойна ответила:

— Ничего... завтра можно подправить!.. Спи, Оля... рано надо вставать... на фабрику не опоздать...

Ольга повернулась. Укуталась в одеяло. Затихла.

Степанида смотрела в черную пустоту и думала.

Перед глазами мелькали автомобили с офицерами, бритые и усатые чехи, рыскающие по городу казаки, серый человек в очках, крестный ход, погоны, шляпки...

Закипела злоба в душе.

— Собаки сытые!.. Разбойники!..

Тушила злобу.

И успокаивалась:

— Не долго погадятся! Скоро конец!..

Другое мелькало.

Яма, вырытая в подполье, муж, сын, муравейник на пароходе. От парохода, мысли полетели дальше — к фронту, к советской России. Вспомнила рассказы недавно ночевавшего подпольщика — о страшной и кровавой борьбе, которую ведут там миллионы, вот таких же оборванных и вшивых, как те, что уплыли на пароходе — в серую муть осеннего ненастья. И, вдруг, вся Россия представилась огромным вооруженным лагерем — голодным, вшивым и окровавленным. Перемешались люди: молодые и старые, мужчины и женщины; перемешались: их стоны и крики, кровь и слезы. Бьются, умирают, рвут огненное кольцо разноплеменных врагов. Боевой шум растет и ши-

рится, все ближе и ближе; огненное кольцо расползается, уплывает куда-то в кроваво-серый туман; тонет в этом тумане и вооруженный лагерь — родных и близких; потонули и звуки. Откуда-то всплыла и выросла перед глазами другая картина: стоит среди пустого поля женщина и отбивается палкой от огромной хищной птицы; птица мечется над ее головой, бьет крыльями, клюет; рвет когтями — лицо и грудь; серое платье на женщине — в клочьях, по лицу струится кровь, на груди болтаются отметки вырванного мяса; но она не плачет и не падает; ожесточенно отбивается палкой.

Степанида всматривается в лицо женщины, старается узнать -- уж очень знакомо ей это лицо. Но не может вспомнить.

В усталой и сонной голове опять замелькали знакомые картины: яма, людской муравейник на пароходе, муж, сын, малые детишки.

Переплеталось все. Путалось.

Сон сковывал тело.

На веках давно уже повисли пудовые гири.

С трудом улавливала всплески волн на реке.

Пропал куда-то шорох тараканов.

Мышь скреблась где-то далеко, далеко.

Наконец, потонули последние звуки и мысли.....

Вдруг ветер завыл, захлестал доской, застучал по окну.

Усталое тело не хотело движений. Тяжелый туман окутал голову.

А ветер настойчиво и быстро барабанил в ставню:

— Ту-ту-ту-ту...

И еще:

— Ту-ту-ту-ту...

И еще:

— Ту-ту-ту-ту...

Быстро сбросила одеяло,— вскочила.

Теперь ясно—стучат:

— Ту-ту-ту-ту.

Трясущимися ногами искала впотьмах башмаки.

Путалась в платье. Долго не могла найти ворот.

Ольга из кухни тревожно шептала:

— Мама!.. Мама!.. Стучат!..

— Слышу!.. погоди ты!.. Платье не могу одеть...

В окно стучали тихо, но быстро и настойчиво.

Не зажигая огня, кинулась в кухню. Отыскала на гвозде ватный жакет, накинула на плечи и вышла в сени.

Торопливо отдернула запорку.

В ограде ветер рванул с плеч жакетку.

Удержала за полы.

Осторожно спросила:

— Кто тут?

За воротами, также осторожно и тихо прозвучало:

— Я, я!.. Стеша!.. Поскорей!

Оборвалось сердце. В голову кровь ударила.

Опять подхватил ветер — понес к калитке.

Не помнила, как отворила, как захлопнулась и заперлась калитка.

Чувствовала лишь холодное лицо, шелковистую бороду, влажные губы.

Как во сне слышала:

— Будет... пойдём... скорее!..

И опять:

Горячее дыхание, влажные губы...

— Пойдем.

Торопливо вошли в сенцы.

Федор привычным движением отыскал запорку, запер двери.

В кухне сказал:

— Огня не зажигай!.. Городаш там.. али, как их у вас зовут... тоже, поди, милиционер?..

Степанида нервно засмеялась:

— Конечно, милиционер!.. Народовластье у нас... верховный правитель!..

Федор тяжело переводил дыхание.

Шептал:

— Бегу, понимаешь... а он из-за угла!.. Только поровнялись... сторож Василий с колотушкой—как из земли!.. Кажется, узнал, язви его!.. Я пробежал... а они остановились...

Ольга сорвалась с постели.

Только сейчас узнала голос отца.

— Тятя!

Повисла на шее.

— Тя-тя!..

Целовала лицо, бороду, засаленное холодное лицо.

Отец отвечал на поцелуи и шептал:

— Тише!.. Оля!!.. Пошли за мной они... Сейчас должны... около окон!.. Я долго стучал... думал: крышка!..

На улице заскрипели доски тротуара.

Двое тяжело шагали и стучали каблуками.

Прошли.

Ветер за окнами опять налетел, опять зашлепал доской об ворота. Постучал, повыл и затих.

Федор скинул пальто и фуражку. Нашупал впотьмах гвоздь на стенке. Повесил.

Жена и дочь сели на кровать.

Засыпали вопросами:

— Как же это... тятя!?

— Как в Сибирь-то попали?.. Федя?.. Леня-то где?.. Думали—у красных вы... бьетесь!.. Али в Москве... Поставлю самовар?.. Голодный, поди?..

Федор сел между ними на кровати.

— Не надо... перед самым городом закусывал...
Постойте... по порядку...

Достал из кармана кисет, бумагу, спички.

Вертел цыгарку и, преодолевая волнение, полушопотом говорил:

— С красными и были... оба! Потом меня назначили через фронт... Леняка никак не отстают!.. Бежали, говорит, вместе, воевали вместе.. и умирать вместе!.. Двинулись... через фронт невозможно!.. Пошли на север... лесами!.. Месяца два косили... путались... Вышли на Урман... А

тут слышим: крестьяне рассказывают—учредилку и эсеров по боку!.. Верховный правитель у нас...

Федор остановился, прислушался к звукам за окнами и опять зашептал:

-- Мы... Стали работать... организовали отряд—человек двадцать.. Оружия нет... связи нет!.. Не знаем, как и што!? Выбрали заместителя... и с Ленькой в город!.. Тут закипело!.. Рабочие готовы в огонь и воду... Переменились!.. А оружия и тут мало... Читаем в газетах: дела у наших плохи... Белые с чехами опять на Урал прут!.. Стали решать: как и што!? По-решили: собирать партизанские отряды... взрывать дороги... склады с боевыми припасами... словом сказать: портить им тыл...

Отвернулся к стене, чиркнул в ладонях спичку.

Огонь на момент осветил обветренное бородатое лицо, взлохмаченную голову.

Степанида тихо вскрикнула:

— Оброс-та как!..

Ольга обняла мохнатую голову.

Целовала.

Степанида шептала:

— Как же, Феденька, сюда-то?.. По каким делам?.. Не дай бог, узнают... пропадешь!..

Прижалась к мужу горячим трепещущим телом.

Федор крепко обнял ее.

— Я же писал... получили?..

— Получили...

— Квартину-то приготовили?..

Степанида быстро зашептала:

— Нет, Феденька!.. Отдумали мы... невозможно!.. Бушуют, варвары!.. Уследят... пропадешь... Приготовили с Олей... здесь... дома!.. В подпольи выбрали стенку... сделали подкоп... стенку опять забрали... В случае чего—спрячем!.. Можно спокойно...

Федор засмеялся:

Чудаки... придумали!.. А ладно вышло? Не посадите?..

— Нет, Феденька... хорошо!.. Сам увидишь...

Федор попыхивал цыгаркой, затягивался дымом, закрывал огонек ладонью.

— Я ведь, вот по каким делам...

Остановился, посмотрел впотьмах на дочь.

— Оля большая... можно при ней... Вот такое дело: за оружием я... да у котельщика

Дементия снаряды остались... Связь установим... заберу, што можно... и обратно!.. Сам двинусь в Урман, к партизанам... А Ленька останется в городской организации... Думают оружейный склад взорвать... если привезу...

У Степаниды мучительно заныло в груди. Тихо спросила:

— Как он... соколик мой?.. Как жили-та... Расскажи, Феденька?..

— Ленька-та, — Федор затянулся дымом-цыгарки, — молодец парнишка вышел!.. Работал... и винтовкой.. и агитировал! Куда нам, старикам.. Серьезный!.. Хвалят все... А жили што ж... Жили как все!.. Вы-то как тут?.. Худо?..

— Мы што... На пошивочной работаем с Ольгой... белье стираем... Безбедно пока!.. Чиркни спичку—посмотри ребят...

За окнами опять завывало. Застучала доска у ворот.

Федор вздрогнул.

— Нет... не надо!.. Огонь... и... пусть спят!.. Утром уж...

Ненадолго все трое замолчали. В черной тьме нервно жались друг к другу. Прислушивались.

Ветер выл, облизывал стены и крышу злобно стучал доской об ворота. По временам доносились всплески воды и рев волн. Где-то далеко стучал колотушкой сторож Василий. Шуршали тараканы по обоям. Черная тьма казалась наполненной призраками и страхом.

В горнице тревожно хныкали дети:

— Не надо... Мама!

— Не дам... мой!

— Ххы-ы-ы...

— Мама!..

Улетел куда-то ветер. Затих плач детей.

Трое сидели, обнявшись. Нервно жались друг к другу. Рассказывали друг другу о пережитом за полтора года.

У соседей два раза пропел петух.

А они все говорили...

4.

Федор лежал на кровати.

Держал в руках толстого черноглазого ребенка.

Ребенок упирался крепкими ногами в его живот, размахивал руками, разевал розовый ротишко и радостно визжал; одет ребенок был в легонькую безрукавую распашенку; локти, кисти рук, колени и сгибы около ступни ног — точно шнурками перевязаны.

Рядом лежала Степанида — горячая, упругая; обвила руками шею и что-то ласково шептала.

Радостно было Федору.

И в комнате было как-то по особому, ярко-радостно.

Смотрел Федор на ребенка, чувствовал близость жены и удивлялся:

— Откуда ребенок? Когда родился?

Вдруг ребенок быстро заерзал ногами по животу, взмахнул руками, взвизгнул и вылетел из рук — куда-то ввысь.

Федор открыл глаза.

Из окна, прямо на лицо, падал сноп ярких лучей.

Осмотрел комнату.

Она тоже была залита ярким солнечным светом.

Не хотелось расставаться с радостной картиной. Снова закрыл глаза.

Вспомнил ночные ласки жены.

Хмель ударил в голову, пламенем разошелся по всему телу.

Чувствовал, что нет уже на кровати Степаниды.

А вот будто рядом она. Горячая, буйно-ласковая.

Слышал, что наискось от изголовья, на другой кровати, Мотька и Васютка возятся и визжат. В кухне самовар мурлыкает. Ольга стучит посудой. Серый кот примостился поверх одеяла—изрядно надавил живот.

Но не хотелось открывать глаза.

Пронеслось в голове. Размечтался:

— Кончим ужо... вернусь... заживем!..

В кухне хлопнула дверь.

Прислушался.

Степанида вошла. Раздевается.

Открыл глаза, еще раз взглянул в окно.

Время—уж часов десять.

Перевел взгляд на детскую кровать.

Ребята под одеялом болтали ногами; беззаботно ворковали. Не замечали отца.

Вошла Степанида.

Серебром зазвенела:

— Мотька! Васютка!.. Смотрите: кто приехал-та!

Дети несколько мгновений недоуменно смотрели на широкое бородатое лицо, приподнявшееся над подушкой, на всклокоченную голову и на мелкие белые зубы, блестевшие из-под густых усов.

Узнали по улыбке.

С визгом кинулись к отцу.

— Ой, тятка!

— Тятя!

Прыгнули на кровать. Обвили шею отца.

Васютка тыкался губами в бороду.

Картавил:

— Плиехал!.. С нами будес зыть?

Федор прятал их под одеялом.

Ласкал:

— С вами! С вами!

Мотька засыпала вопросами:

— Ты где жил?.. А бороду зачем такую?..
Поезд шибко шел?.. Лена скоро приедет?

Федор не успел отвечать. Гладил обоих по русым головкам. Прижимал к своему телу.

Степанида, раскрасневшаяся от ходьбы, смотрела и улыбалась.

Федор повернул к ней голову.

— Ходила к Дементию?

— Идет он... следом!.. Вставай...

Отошла к детской кровати. Стала прибирать.

Федор сбросил одеяло.

— Ну... ребята! Встаем!.. Умываться... чай пить!..

Легко прыгнул с кровати. Крепко потянулся широкими плечами и согнутыми мускулистыми руками.

Стал одеваться.

Жадно бегал глазами по белой, чисто прибранной комнате; по простой и в порядке расставленной мебели; по окнам с белыми занавесками.

Перевел взгляд на жену. Не мог оторваться.

Опять хмель ударил в голову.

Смотрел и думал.

— Тридцать восемь лет!.. Полдюжины ребят!..
Сколь пережито!?. А как сберегла себя...

Степанида возилась около кровати.

Крепкая фигура, обтянутая коричневым платьем, то сгибалась, то разгибалась.

Высокая грудь. Густые волосы с пробором на середине, как крылья ворона, обвилились вокруг головы. Продолговатое лицо с круглым подбородком, словно яблоко румяное—ни морщинки. Брови, как серпы—черные. И глаза все такие же большие, синие и задумчивые.

Смотрел на нее Федор и горел.

Со вздохом вырвалось:

— Какая ты... Стеша!..

Обернулась.

— Што?

— Не стареешь!..

Вспыхнула Степанида. Отвернулась. Уши пылали.

Федор обжигающе ронял:

— Еще будешь... рожать!.. Не за слесаря бы тебя... По виду... прямо... интеллигентка!..

Молча кинулась к мужу. Припала к борода-тому лицу. Обливала горячими слезами.

Закружилась голова у Федора. Буйно потянуло—к жене, к детям и к дому.

Запылало, затряслось могучее тело.

Ревела душа:

→ Эх, ты... жись!.. Солнышко!.. Неуж погаснешь!?

И вдруг другое мелькнуло:

— Урман!.. Партизаны!..

Натянул мускулистые руки. Стиснул зубы.

И тихо отодвинул жену.

— Будет... Стеша!..

В кухне кто-то постучал в окно.

Степанида полетела. На ходу кинула:

— Дементий... У меня ведь все на запоре...

Точно в тумане стоял Федор.

Ребята, в одних рубашенках, теребили и что-то лепетали.

Не слышал. С головой не мог справиться.

Огромным напряжением воли сбросил тяжелый груз.

Провел рукой по всклокоченным волосам, свесившимся на лоб.

Будто отмахнулся от чего-то.

— Ишь ты!.. Нашел время...

Только сейчас заметил ребят.

— Ну!?. Пошли, ребята!.. Умываться!..

Взял обоих за руки и весело шагнул из комнаты—через порог.

5.

За чаем говорили вполголоса.

Хотя в окнах рамы двойные и занавески плотные, но боялись, чтобы случайно кто не услышал голос Федора.

По тротуару народ сновал.

Только ребята не подчинялись строгому режиму. Отбирали сахар друг у друга и шумели:

— Тятя!.. Что он лезет?..

— А ты не тлони!.. Не твой кусок...

— Степанида тихо закликала:

— Будет вам!.. Нельзя тятей... городаш услышит!..

Васютка поднимал удивленные глаза:

— А как?..

— Дядей зови...

У Васютки толстые губы расплывались до ушей.

— Как же!.. Вовсе тятя!..

Дементий сидел за столом в обремканном и засаленном пальтишке.

Улыбался белокурым прокопченным лицом, хлопал шершавыми руками по коленям и тихо восклицал:

— Скажи на милость!?. Ну как это ты... Федюха!?. Не унывайшь?.. Орудовайшь?..

Федор прихлебывал из блюда чай. Поглаживал русую бороду на широком скуластом лице. И тоже улыбался.

— Куды деться!? Положение наше такое.. рабочее!

Можно сказать: мир на мир пошел!.. Одна сторона — с мозолями... скажем прямо: рабочий и крестьянин!.. А другая сторона — в апалетах и с брюхом!.. Следственно: кто по доброй воле откажется?.. Либо ты — ложись да помирай.. либовся власть советам!.. Другова выхода нету..

Дементий покачал головой:

— Загогулина, язви ее...

— Еще какая!..—подтвердил Федор.— И так смерть... и эдак — кабала!...

— Истинная правда! — согласился Дементий.— Прорыху нету нам!.. Тоись: трудящему классу...

Вздернул гармошку — на лбу — к волосам:

— А што я тебя спрошу, Федя: на долго эта канитель протянется?.. Как там слухи-то... насчет Москвы и прочего?.. Победа-то... скоро на нашу сторону перейдет?

Федор поглаживал пальцами бороду и спокойно цедил слова:

— Как сказать... победа будет... бесприменно!.. Москва прямо указыват... ну и... вожди тоже... дескать: все надо перенести... и насчет жертвов штобы без сумления!.. Раз ежели весь наш клас поднялся... про свою голову забудь!.. Становись в ряды... и жарь — до полнова остану!.. Ведь опять же скажем: куды нам податься?.. Так и так: хана!.. А выбьемся... хозяевами будем... по всей земле!..

Федор тоскливо взглянул на жену:

— Конечно... без крови и без жертвов... ничего не делается... поляжет нашего брата... много!.. Штож.. пусть. Хучь для детишек:..

— А сын-то как.. Ленька-то? — спросил Дементий.

— Тоже по нашей линии пошел!..

Дементий хлопал себя по коленям шершавыми руками:

— Ишь ты!.. Скажи на милость!?!.. Што значит... рабочая-то кровь?.. Свою сторону чуит!.. А как ты про нас-то вспомнил, Федя?.. Насчет оружия... аль к семье потянуло?

Федор опять взглянул на жену. Раздумчиво ответил:

— Все тут не обскажешь... Революция свое... а жизнь свое!.. Хотелось посмотреть — как живут... ну и дело!..

За Стешу не боялся... знаю... не пропадет!..

Дементий швыркнул из блюда чай, шлепнул рукой по колену.

— Куды там!.. Она, брат, у те орел!.. Ей-бо...

Степанида засмеялась:

— Не захваливай, Дементий...

Дементий деловито перебил:

— А как-же!?

Повернулся к Федору и стал говорить, загибая на руке пальцы:

— Смотри: На фабрике робит?.. С ребятами кормится?.. Духом не падает?.. Ежели сборы али помочь... первая!.. Обшила с бабами всю тюрьму... Передачи там и прочее... все она!..

Смотрел простоватыми восторженными глазами—то на Степаниду, то на Федора и восклицал:

— И как?! Комар носу!.. Сволота золопогонна с ног сбилась.. чехи тоже... А не выгорат... не знают!.. Ну, скажи на милость?.. Как после етова... наш-та брат... рабочий ?!

Федор улыбался. Любовно поглядывал на жену.

Дементий хлебал чай и ворковал:

— Хорошо ты надумал, Федя!. Народ у нас очухался... теперь за Советску влась... умрут!. Связь надо беспременно... Револьвершков десятков наскребем... бомбочка одна есть... сохранна!.. Вези... Надо им, сукиным детям показать..

Вдруг Дементий умолк. Испуганно взглянул на Степаниду.

Она сидела бледная.

Широкими глазами впиалась в окно.

Вскочила на ноги и безумно прошипела:

— Казаки!

Все метнулись к окнам. Приподняв головы над занавесками, взглянули.

По улице широким полукругом выстраивались конные казаки.

Окружали дом.

В ворота стучали кулаками и шашками.

Степанна рванула западню.

— Скорее, Федя!.. Дементий!.. Брось пальто, картуз..

Федор сорвался со стула, нырнул в подполье.

Степанида за ним. На ходу крикнула:

— Оля, прикрой!.. Постучу... откроешь...

Дементий бросил в подполье пальто и картуз Федора.

Ольга прикрыла западню. Села на лавку. Стучала зубами.

Васютка и Мотья испуганно смотрели по сторонам.

Дементий стоял около окна и растерянно бормотал:

— Скажи на милость!? Как зыкают... Учюяли, собаки!...

В ворота остервенело барабанили.

Прошло минуты три.

Радзался глухой стук в западню.

Ольга открыла.

Бледная Степанида быстро карабкалась из подполья, поправляя растрепавшиеся черные волосы и пересохшим горлом быстро говорила:

— Готово!.. Садитесь за стол... Дементий, Ольга!.. Налей чаю... пейте..

Понеслась во двор.

Вскоре в сенцах застучали, зашумели.

Распахнулась дверь.

Вошли два офицера, один чех и пять казаков.

Шум казаков доносился из ограды.

Один из офицеров—сухой и приземистый, с обветренным, калмыцким лицом—кричал:

— Сволочи!.. Заперлись!?

Высокий черноватый чех, с подстриженными усами, вторил:

— Нельзя так модам... безобразье!..

Степанида мерила их синими горящими глазами.

— Што надо-та?.. Не лайтесь...

Офицер бросил на стол перчатки. Крикнул:

— Мужа твоего надо!.. Где муж?.. Сын?..

— Вам лучше знать...

— Это кто такой?

Офицер указал нагайкой на Дементия.

Второй офицер с двумя казаками пошли в горницу.

Степанида злобно ответила:

— Вот... муж и есть!..

Дементий, кривя губы, засмеялся:

— Шутит бабочка!.. Знакомы малось... Домик приторговываю у ней... вдовица!..

Офицер смотрел на Дементия узкими злыми глазами.

--- Домик!.. Знаем!..

Крикнул в горницу:

— Есть кто там?.. Хорунжий!?

— Нет, пусто!..

— Пожалуйте сюда, хорунжий!..

Собрались в кухню. Столпились около стола. Обсуждали—с чего начинать.

Ольга увела детей в горницу. Степанида села на Ольгину кровать.

Калмыковатый офицер опять закричал:

— Вот что, тетка... дурака не валяй!.. Говори—где муж. Мы знаем... приехал... вчера!..

— Коли знаете... нечего и спрашивать... берите!..

Офицер блеснул узкими глазами.

— Возьмем, из земли выроем!.. Говори без греха!?

— Не доносица... и не знаю...

— Хорошо!..

Повернулся к казакам:

— Ну-ка... ребята!?. Перерыть весь дом!.. Хорунжий!.. Займитесь оградой... огород осмотрите... везде проверьте... следы...

Начался обыск. Казаки с калмыковатым офицером ушли в горницу. Хорунжий—во двор.

Степанида упорно сидела на кровати.

Высокий чех с подстриженными усами бегал жадным взглядом по крепкой полногрудой фигуре, уговаривал:

— Напрасно скривайте, модамочка!.. Мы ж знаем!.. Скажите... Худо не будет!.. Мы ж культурни людь...

Степаниду мутило. Хотелось харкнуть в черные сальные глаза.

Сквозь зубы крикнула дочери:

— Ольга!.. Посмотри... не насовали бы в карманы!..

Офицер из горницы рявкнул:

— Прикуси язык, баба!.. Выпорю!..

— Пори... не привыкать нам!..

Чех подсел в конце кровати. Ласково говорил:

— Напрасно, модамочка!. Волнуйтесь напрасно... Мы ж не большевики!.. Иголки вашей не надо.. Культурни!.. Люче вам...

Степанида молчала.

В горнице из сундуков летело на пол белье; сбрасывали постель, подушки; двигали столы, табуретки; стучали досками кроватей.

Офицер командовал:

— Письмо взять!.. Посмотри под кровать!.. Сколько денег?..

Все перерыли. Все раскидали.

Ввалились снова в кухню.

Офицер кричал:

— Игнатов, Беспалов... в подпол!.. Крохалев—займись здесь!.. Жигалев, помогай!.. Живо!.. Тетка, встань с кровати!..

Степанида поднялась—прошла к столу.

Дементий крутил пальцами прокопченную пельную бородку.

Улыбаясь, спросил:

— Мне можно иттить?

Офицер рявкнул:

— Обождешь!..

Вытащили из-под Ольгиной кровати чужое грязное белье—перерывали.

Молодой, безусый казак шарился на печке. Двое стучали в подполье шашками об стенки. Громыхали пустыми ящиками.

Степанида, сложив руки на груди, стояла около стола. Прислушивалась к звукам в подполье. Лицо—как полотно. Глаза по временам темнели и закрывались. Высокая грудь тяжело поднималась и опускалась.

Коренастый чернобородый казак сидел на корточках—рылся в грязном белье. Незаметно совал за голенища батистовые платки.

Второй — рыжий и веснучатый — перерывал постель.

Двое вылезли из подполья.

Широколицый и белобрысый доложил:

— Ничего нет, ваше благородие!..

— Хорошо осмотрели?

— Так точно!.. Ящики пусты... картошка в мешках...

— А стенки?

— Ничего не заметно, ваше блаародье!..

— Внимательно осмотрели?

Широколицый оскалил мелкие зубы:

— Так точно... ваше блаародье!.. Я, вить, знаю ихова брата!.. Обстучал каждую доску!.. Ежели где пусто... поиначе звенит... В одном месте нижна доска показалась подозрительна... поковырял!.. Да нет... кругом завалилась земля... ничего нету!.. Так што без сумленья...

Собрались посреди кухни.

Всех душило разочарование и злорадства.

Молчали.

Офицер вертел в левой руке нагайку, горел азиатскими глазами.

Чех хмурил брови, тербил подстриженные усы.

Широколицый загадочно спросил:

— Дозвольте, ваше блаародье?

Офицер нетерпеливо оборвал:

— Постой!..

Повернулся к Степаниде. Впился косыми зелеными углями.

— Значит... ничего не скажешь?

— Нечего мне говорить...

— А, может быть... скажешь?

Сжал в левой руке нагайку, помолчал, развернулся, правой рукой звонко шлепнул Степаниду ладонью по щеке.

Чех тоже развернулся.

Крикнул:

— Скажи, сюка!

Ударил по другой щеке.

Степанида, молча, покачивалась от ударов.

В горнице заревели дети.

— Ма-а-ма-а!

— А-а-а!..

Офицер размахивался, хлестал и кричал:

— Врешь, блядина... скажешь!

Чех бил с другой стороны и тоже приговаривал:

— Скажи, сюка... Скажи!..

Хлестали часто и звонко, но так, чтобы с ног не сбить.

Рядовые тоже целились ударить.

Но не могли из-за тесноты.

На руке у офицера неожиданно повисла обезумевшая Ольга.

— Ма-а-ма-а!

Отшвырнул наотмашь — на кровать.

Дементий воспользовался заминкой — рванулся из кути в круг. Встал между офицером и Степанидой.

Задыхался и бессвязно кричал:

— Братцы!.. Пстой!.. Как же это?.. Женский пол!?. Народовластие... и прочее... Скажи на милосы!?

Чернобородый ударил его кулаком в косицу.

Дементий отлетел к печке.

Широко распахнулась дверь.

Вошел молодой хорунжий с двумя рядовыми.

Козырнул:

— Ничего нет, господин эсаул!

Все обернулись в его сторону.

Избиение оборвалось.

Калмыковатый эсаул хрипел:

— Замели следы... Сволочи!..

Степанида повалилась на тубаретку около
стола.

Стонала.

Казачи тяжело пыхтели и переговаривались.

Из горницы неся рев:

— Ма-а-ма-а!

— Ма-а-ма-а!

На кровати лежала и всхлипывала Ольга.

Маленькая кухня была полна вооруженных
людей в красных лампасах, в мохнатых па-
пахах.

Эсаул злобно ронял:

— Ну штож... ничего так ничего!..

Повернулся к Степаниде и Дементию:

— Собирайтесь!.. живо!!

Казачи галдели.

6.

Ольга лежала на кровати белым тоненьким пластом. Лицо уткнула в мокрую подушку. Ноги свесились на пол. Все еще всхлипывала.

Мотька и Васютка стояли около кровати. Тербили Ольгу за складки платья.

Васютка ворчал:

— Олька!.. Вставай за!.. Усли..

Мотька поглядывала на окно, тоже тормозила сестру:

— Вставай, Олька!.. Вон... уж все поехали!.. И на лошадях...

Ольга подняла от мокрой подушки опухшее заплаканное лицо.

Встала. Подошла к двери в горницу. Осмотрела квартиру.

Везде разбросано — белье, подушки, табуретки, бумаги. Стол посреди кухни. Сундуки открыты. Болтались оборванные занавески.

Подошла к окну.

На улице было пустынно.

Вдруг сердце тревожно екнуло.

Об отце вспомнила.

Побежала в сени. Заперла дверь на задвижку. Вернулась и кинулась в подполье.

Быстро спустилась в сырой полумрак. Остановилась около ящиков и позвала:

— Тятя!

В ответ — ни звука.

Прислушалась. Снова позвала:

— Тятя!

Мрачное подполье молчало.

Резко пахло сырой землей и плесенью.

Ольга еще подалась вперед. Наклонилась через ящик к нижней доске стены.

— Тятя!?. Уехали!.. Можно вылазить...

Тихо было в подполье, как в гробу.

Трясущимися руками разбросала ящики. Оттащила мешок с картошкой. Наклонилась и забарабанила кулаками в нижнюю доску.

— Тятя!.. тятя!..

Сверху, в угол падала бледная полоска света.

Смотрела Ольга в щель между первой и второй доской; металась белым комочком; барабанила кулаками и кричала:

— Тятя-а!.. Тя-а-тя!..

Из щели, от ударов, сочилась мелкая, сырая земля.

Остановилось у Ольги сердце. Не бьется.

Выпрямилась. Толкнула доску ногой.

Доска даже не пошевелилась. Крепко прижало обвалившейся землей.

Поняла Ольга.

Безумно завывала;

— Тя-а-тя-а-а!! Тя-а-тинь-ка-а-а!!

Упала на землю.

Судорожно давила плечем нижнюю доску. Скребла руками землю. Звериным воем оглашала сырое и мрачное подполье.

— Тя-а-тя-а-а!! Тя-а-а-тя-а-а!!

А над западней, ухватившись рученками за половицы, склонились две темнорусых головки.

Смотрели в подполье большими удивленными глазами.

7.

Первую половину дня продержали в третьем этаже, в крохотной комнатке с одним окном. Сидела на табуретке, не раздеваясь с тех пор, как пришла в контрразведку.

В полдень вошел пожилой и уса́тый чех — с тесаком и револьвером за поясом, с трубкой в зубах.

Угрюмо сказал:

— Пуйдем!..

Екнуло сердце. Хлынула от сердца горячая кровь—обожгла все тело. А лицо побелело. Губы стали синими. Не могла сразу подняться с табуретки.

Злобой сверкнули глаза чеха. Махнул рукой к двери и еще раз настойчиво сказал:

— Пуйдем...

Поднялась. Тяжело вздохнула. И пошла впереди чеха.

Шли длинным и пустым коридором, который освещался сзади окном, а впереди стеклянной дверью. По обеим сторонам мелькали двери со свежее вделанными засовами. На засовах болтались тяжелые замки.

В конце коридора, близ стеклянной двери, лениво бродил второй чех—с винтовкой. Шлепал тяжелыми башмаками и гулко стучал прикладом винтовки—о пол.

Поровнявшись со Степанидой, покосился и побрел дальше.

Вышли в большой зал с колоннами.

Здесь былолюдно и шумно.

На скамейках, около стен, сидели русские — мужчины и женщины. Сидели, понутив головы. На Степаниду никто не взглянул. От широкой входной лестницы к комнатам, выходящим в зал, туда и обратно бегали чехи; толкались русские — в темных очках; казаки в папах и с красными лампасами. Из дверей высовывались и кричали:

— Гражданин Сидоров здесь?

— Модам Зиньска... Пожалуйста...

— Дажурни!

Словно во сне промелькнул шумный зал.

Шла и трепетала—перед неизвестным.

Из зала вошли во второй коридор, по которому сновали одинокие фигуры чехов. Эти были чем-то возбуждены. Бегали торопливо. Глаза у всех — блуждающие, злые. У одного

мелькнула в руках нагайка, у другого—короткая резина.

В мрачном коридоре не разобрала Степанида вооружения чехов. Да и некогда было рассматривать. Своим была занята—тяжелой и страшной неизвестностью.

Чех открыл дверь. Вошли в большую и светлую комнату—с двумя окнами.

Недалеко от простенка, за письменным столом, сидели трое: широкоплечий, с красным, гладко выбритым лицом; с сигарой в зубах; справа от него—черненький, с подстриженными усами; а слева—человек в сером пальто и в темных очках.

Подошла Степанида к столу. Взглянула. И обмерла.

Черный чех—тот самый, который производил обыск и бил; а русский—в темных очках, чашенько терся на берегу реки, против квартиры.

В голове мелькнуло:

— Допрашивать будут...

Слыхала Степанида о допросах в чешской контрразведке. Побелела. Ноги подкашивались. Но вспомнила о кровавой борьбе, о Федоре, о детях. И вдруг, во всем теле, что-то натянулось.

Неведомо родилась твердая решимость — перенести все. Стиснула зубы. Глаза загорелись.

А черный сорвался из за стола, схватил табуретку и, скаля зубы, любезно подставил:

— Пожалуйста, модамочка... Сядьте...

Опустилась. На момент закрыла глаза.

Краснорожий что-то буркнул конвоиру.

Тот козырнул и вышел.

Черный снова сел за стол.

Начался допрос.

Краснорожий дымил сигарой, ворчливо спрашивал: имя, отчество, фамилию, занятия, кто муж, сколько детей; торопливо записывал в протокол.

Человек в темных очках беспокойно ерзал на стуле, поворачивал к Степаниде — то одно ухо, то другое; точно боялся пропустить какое-нибудь слово.

Черный усиленно курил папиросу и щупающими глазами бегал по полногрудой фигуре.

— Где сейчас ваш муж? — рубил краснорожий русские слова с чуть заметным чешским акцентом.

Степанида спокойно ответила:

— Не знаю.

— Как не знаешь?—сверлил чех острыми серыми глазами.

— Не знаю... сказала... што еще нужно?

— Когда ушел из дому?

— Полтора года...

— С кем?

— Почем я знаю...

— А сын?

— Вместе ушли... говорила... десять раз...

Черный подался вперед. Опять оскалил зубы:

— Модамочка... оставьте запираня!.. ми ж все знаем!.. Скажите, просто, человечьи... плохо вам не будет...

— Говорила... больше нечево...

— Ах каки ви сурьезни!—воскликнул чех.—
Зачьем вам запираня?.. Хуже будет... честно
говорим!.. Ми ж знаем: ваш скупруг вчора при-
биль з востоку... знаем ваш комьитьет... ваши
красни крест... все знаем... Зачьем вам запираня?..

Бледная, окаменевшая, Степанида спокойно
цедила слова:

— Знаете... нечево и допрашивать... делайте
што хочете...

Краснорожий опять уперся серыми глазами.
Голос задрожал:

— Не скажешь: где комитет?.. Кто состоит в нем?

— Не знаю никаких комитетов...

Не заметила Степанида, как тихо выдвинул черный чех ящик из стола; что-то нащупал рукой. И вдруг с дикими глазами и с ревом сорвался со стула:

— Ньт! Врешь сюка! Скажешь!

Подскочил. Вытянул резиной вдоль спины.

— О-о-о! — вскрикнула Степанида, защищаясь руками.

— Скажешь!.. Скажешь!..

Хлестал по плечам, по рукам.

Зверем ревел.

— Ньт!.. Скажешь!..

О-о-о!.. О-о-о!.. — стонала Степанида, закатывая глаза и опуская руки. Качнулась.

Табуретка с грохотом полетела в сторону.

Скрипя зубами, повалилась на пол.

А чех согнулся кошкой — горел черными глазами, хрипел и стегал: по рукам, по груди, по ногам.

— У-у-у!.. ссю-ккка!.. скаж-жешь!..

Извивалась Степанида под колючими ожогами.

Но молчала.

Очкастый подскочил. Хлестал второй резиной. И тоже хрипел:

— Комитетчиков укрывать!.. Большевиков прятать!.. Врешь, скажешь!..

Вздрагивала. Корчилась. Но молчала.

Перед глазами плавал кровавый туман. А глубоко в сознании чеканились слова Федора, такие простые, но получившие сейчас такой глубокий смысл:

— Все надо перенести... все...

Где-то в стороне прозвучало:

— Довольно!..

Тяжело отдуваясь, истязатели отошли к столу. Бросили резины.

Не падают и не режут больше удары.

Но вздрагивающее тело охвачено огненной болью. В него впились тысячи раскаленных ремней. Обжигают, рвут и колют.

Слышит Степанида: сочится в груди кровавая рана, все туже и туже затягивается на горле петля.

Слышит голоса:

— Взять! Отвести!

— Ест!..

— Вставай, стерва!
Но не может встать Степанида. Чувствует
головокружение и тошноту.
Летит куда-то вниз, в пропасть.

* * *

В полночь гулко застучал дверной засов.
Степанида очнулась—открыла глаза.
Опять вошел в камеру усатый—с трубкой
в зубах.

Махнул рукой:

— Пуйдем...

Степанида закрыла глаза и равнодушно
сказала:

— Не пойду...

— Пуйдем!—заревел чех.

— Не пойду... никуда... добивайте здесь...

— Убью!.. Вставай!..

— Бей...

Лежала на голом полу, охваченная палящей
болью и тупым равнодушием. Думала:

— Все равно... пусть добивают...

А чех сунул за пояс трубку, беспокойно ог-
лянулся горящими глазами на дверь, шагнул

вперед и повалился рядом со Степанидой, цепляясь трясущимися руками за платье.

Забыла про боль Степанида.

Схватила чеха за руки. Сухой слюной харкнула в усатое лицо.

Чех махнул узколобой головой. Качнулся назад. Вырвал руки. И снова навалился крепким деревенским телом, цепляясь сквозь платок — за волосы.

И Степанида собрала — последние силы.

Рванулась всем телом — опрокинула чеха, оставив в его руках пуховый платок.

Вскочила на ноги.

Стояла обезумевшая, раскосмаченная.

Чех неуклюже прыгнул с пола. Рыча и скаля зубы, кинулся на Степаниду. Схватил в беремья. Хотел повалить.

Но она вцепилась рукой в лицо, а зубами в плечо. С силой рванула пальцами — от правого глаза к усам. Судорожно сжала зубами шершавое сукно на плече чеха.

Также судорожно чех толкнул Степаниду, а сам шарахнулся к стене.

Постоял.

Глотнул сухую струю воздуха.

И, вытянув вперед голову, по медвежьей рыча, медленно пошел к ошестинившейся и трясущейся женщине.

Не дойдя одного шага, развернулся — ударил в ухо. Грохнулась Степанида на пол. Закатила глаза.

Чех оправил гимнастерку. Провел рукой по щеке. Посмотрел на окровавленную ладонь. Пнул башмаком Степаниду. И вышел из камеры.

Постучав засовом и замком, тяжело зашлепал башмаками по коридору.

* * *

Большое трехэтажное здание контрразведки давно уже охвачено сном.

В пустых и мрачных коридорах тоскливо мигают редкие электрические лампочки. Медленно бродят серые тени вооруженных часовых.

Изредка хлопнет внизу наружная дверь. Вверх по ступенькам торопливо запрыгает одинокая фигура в темных очках, мелькнет в третьем этаже — через пустой колонный зал и скроется за дверью дежурной комнаты. А то, вдруг, с шумом войдут с улицы — сразу несколько человек. Введут двух-трех арестованных. В дежур-

ной наскоро перепишут, быстро уведут в правый коридор, разместят по камерам.

Часовые — у наружных дверей, в зале и в коридорах — дымят трубками и равнодушно-сонными глазами провожают мелькающих мимо людей.

Не спят лишь в левом коридоре, в самых далеких и глухих камерах, с окнами, обращенными в такой же глухой сад.

Там пытки.

Из средней камеры несется чей-то придушенный стон.

— Скажу!.. Не бейте!.. Ска-ж-жу-у-у...

В угловой камере порют Дементия Сурова-раздетого и привязанного к длинной скамье.

Задрав сверху голову, Дементий трясет пельменной бородашкой и воет:

— О-о-о... О-о-о.

Над спиной и над ягодицами задней части свистят две змеи: одна — серая резиновая, другая — черная ременная. Жалят и рвут костлявое тело Дементия. Красные полосы почти тотчас же синеют. От ударов казачьей нагайки лопаются кожа. Брызжет кровь.

Свист ненадолго прекращается.

Чех льет из ведра воду на окровавленные места. А казак посыпает раны солью.

Второй чех тычет тупым концом резины—в лицо Дементия и шипит:

— Ска-жешь!? Ска-же-шшь!?

— О-о-о! — воет Дементий, выпучив глаза.
— О-о-о!..

Снова свистит в воздухе резиновая змея.

И снова тот же, обезумелый звериный вой:

— О-о-о-о-о!..

Такой же крик женщины бьется о голые стены — в камере наискось.

Там, посреди пустой комнаты, на табуретке судорожно бьется и воет Степанида.

Два здоровенных усатых чеха крепко держат ее за вытянутые вперед руки.

Черненький, с подстриженными усами, толкает под ногти толстую иглу. Кривит губы в улыбку:

— Врешь, сюка, скажешь!..

Из под ногтей Степаниды выскакивают красные шарики — падают на пол.

— А-а-а! — вырывается из посиневшего рта дикий крик. — А-а-а!..

По выбеленному и осунувшемуся лицу Степаниды катится холодный пот. Черные пряди волос прилипли к мокрому лбу и к таким же мокрым вискам. Большие синие глаза выкатились.

Но не сгибается упругая сталь решимости: умереть, но не выдать.

Со страшной болью вонзается под ногти огненная игла — доходит до самого сердца.

Красные горошинки вырастают — то на одном, то на другом пальце — падают на пол.

Точно из другого мира слышится шопот:

• — Скажешь!? Скажешь!?

— А-а-а! — заглушает слова чеха безумный крик. — А-а-а!.. А-а-а!.. а-а-а!...

* * *

Поздним утром, в большое окно, брызнули холодные лучи осеннего солнца; скользнули по бледному лицу, по опухшим от слез и закрытым глазам, по плотно сжатым и побелевшим губам.

Чувствовала Степанида солнечный свет.

• Но не хотела открывать глаз и вставать.

Все еще горело избитое и изломанное за ночь тело.

Мучительно токали и ныли концы пальцев.

Хотелось крепче уснуть — забыться.

Но, снова застучали замком и засовом.

Распахнулась дверь.

Вошли два чеха — один почти юноша, второй постарше; оба в новенькой военной форме; с тесаками за поясом; в фуражках с бело-красными ленточками.

Старший принес с собой в камеру густую струю духов. Мягко, задушевно, заговорил:

— Ви будете гражданин Зюбков?

Степанида открыла отяжелевшие веки.

— Я....

— Пуднитесь пужялюста, — ласково говорил чех, подходя к Степаниде. — Пуднитесь... не боитесь... худо вам не будет...

Затрясло Степаниду. Ужас сковал.

Обожгла голову страшная мысль:

— Опять... муки...

А чех, все тем же ласковым голосом говорил:

— Я начальник разведки... Я такой же демократ, как вы... Не боитесь... пуднитесь... прошу вас, модам...

С трудом поднялась с полу.

Еще мучительнее заняло тело. Должно быть, отпряного запаха дорогих духов закружилась голова.

Чех поддержал за руку. Помог встать на табуретку.

Участливо говорил:

— Я знаю за всех ваших мучительствах... Я так безобразно не потерплю... в подчиненных!.. Мне все долёжли... И я дал приказ: арестовать всех!..

Степанида молчала. Глаза блуждали по выбеленным стенам, по окну, залитому солнцем. Смутно улавливала речь чеха.

А он ворковал:

— Я прошу вас, модам, в канцелярию... для протоколю... Мы культурные люди... не можем без наказа оставлять такое мучительство подчиненных!.. Прошу вас, модам...

— Што нужно?—спросила Степанида, поднимая глаза.

— Пожалуйста, не вольнуйтесь!—заторопился чех.—Я прошу вас до канцелярии... для протоколю... Вы расскажете о ваших мучительствах... я запишу... и прикажу расстрелять негодяи!.. Они все арестованы... сидят под замком...

Поднялась Степанида и, пошатываясь, пошла — в коридор.

* * *

А через два часа, с пропуском в руке, выходила из кабинета начальника контрразведки — на волю.

В голове все еще был пьяный туман. Все еще ныло тело. Под ногтями токали и покаливали огненные иглы. Не замечала людей, шмыгающих между круглых и захватанных колонн. Спустилась по широкой каменной лестнице к выходу. Подала часовому пропуск. И вдруг, замерла с застывшим взглядом больших оставившихся глаз.

С воли, в дверь, вошел франтовый черненький чех с подстриженными усами.

— Тот... мучитель!.. Не арестован!.. Уговаривали варвары... обманывали...

Хотела кинуться, вцепиться в черное подлое лицо, царапать, грызть зубами, кричать.

И так же, вдруг, неожиданно мелькнула в голове другая мысль:

— Нет!..

Сковала иной стальной решимостью Федоровых слов:

— Про свою голову забудь... становись в ряды...

Кривя в улыбку тонкий рот, чех скользнул по лицу, по полногрудой фигуре и прошел к лестнице.

С kloкочущей злобой в груди, Степанида шагнула через порог — в шумную сутолоку города.

8.

Дементий Суров и старый токарь Голубков беспокойно поглядывали на дверь и на окна; чутко прислушивались к звукам на улице; тихо разговаривали.

Степанида, в кути, кипятила самовар.

Из горницы доносились придушенные рыдания Ольги. Лежала на материной кровати. Прятала мокрое лицо в подушку. Вздрагивая, плакала. Рядом на детской кровати спали Васютка и Мотька — нераздетые, в рваных башмачиках.

Тревожили Степаниду громкие Ольгины всхлипывания. Боялась: как бы кто не подслушал. Несколько раз порывалась бросить самовар и пойти в горницу — уговорить, успокоить дочь. Но не могла справиться с потоком своих дум.

Две силы боролись в Степаниде — словно вошли в нее два человека и заспорили.

Стопудовой тяжестью навалилось горе на плечи; высушило слезы; острыми когтями вцепилось в грудь; жгучим материнским позывом тянет к детям и к жизни.

А кто-то иной, такой же властный, наматывает в голове на пламенную катушку ненавистные образы разноплеменных врагов и зовет на борьбу, на месть, на смерть.

Всхлипывания Ольги напоминают о том, кто лежит вот тут, под ногами, в подполье — засыпанный землей подкопа, вырытою ее руками.

Разрывается грудь Степаниды — от нестерпимой боли и от сознания непоправимой вины.

Ведь это она придумала. Она вырыла ему могилу. От ее рук погиб самый близкий, самый дорогой.

А он стоит перед глазами.

Хмурит скуластое бородатое лицо и говорит:

— Про свою голову забудь... становись в ряды... нельзя — без крови... нельзя без жертв...

И опять, какие-то невидимые, но жгучие нити, тянутся от сердца — к детям и к жизни.

Звонят в ушах всхлипывания Ольги. Откуда-то издалека долетают слова Голубкова:

— Не против я... друг ты мой любезный! Понимаю: за наше дело... за рабочее!.. Да ведь как же без отпевания, без молитвы?... Собака он што ли?...

Дементий торопливо мурлычит:

— Ну скажи на милость!?. К чему это?.. По чужому имю... и отпевать!?. А влопаемся... сами пойдем туды же... знаю я... испытал!.. Вот оно где... неделю не присядешь..

Пощарапал рукой — сзади. И опять:

— Брось эту затею... ни к чему она нашему брату!.. Это богаты которые... нельзя им без попа... а нам...

Оборвала Степанида разговор:

— Не надо, дедушка... не согласна я.. где парень-то твой?..

— В ограде... караулит...

— Не приходил?

— Заходил!.. Говорит: людно еще... нельзя!.. Опять убежал... смотрит...

Степанида прошла в комнату.

Положила руку на голову вздрагивающей Ольги:

— Доченька... болезная... перестань... подслушают варвары... пропадем... все...

В прихожей скрипнула дверь.

Вошел сын Голубкова.

— Можно, тятя... кругом — никово... тихо... Старик вскочил со стула. Засуетился:

— Лошадь-то как... спокойна?

— Ничево...

— Давай, Дементий, начнем?.. Петровна!..

Подь-ка!?. Будет там... не поможешь...

Собрались около западни.

Степаниду трепала лихорадка. Побелела вся.

Руки тряслись.

Дементий наставлял молодого рабочего:

— Иди... смотри в оба!.. Чуть-што... мигом сюды!.. А мы займемся...

Парень шмыгнул за дверь.

Дементий со старикой спустились в подполье.

Степанида прикрыла колпачком трубу самовара и полезла за ними.

* * *

Федор лежал в кути, на боку. Застывшее тело согнулось. Руки и ноги скрючились. Из рта и из носа, чуть-чуть, сочилась черная кровь.

Старик суетился около трупа --- соскребал заскорузлыми пальцами землю с пиджака, обтирал мокрым полотенцем лицо, приглаживал наскоро причесанные волосы.

Бормотал:

— Эх, Федя... друг ты мой любезный!.. Святые боже... святые крепкие... Где пришлось свидеться-то!?. Святые боже...

— Не надо дедушка! — простонала помертвевшая Степанида, стоя на коленях над трупом и теребя руками кофту на груди. — Не могу слышать... этих слов... подлые!.. подлые!..

Охваченная горем, она плохо соображала, что вокруг делается. Чувствовала, что хочется реветь, хочется рвать на себе волосы. Но сознавала, что нельзя. Теребила кофту и повторяла:

— Подлые!.. Подлые!..

А старик вытирал сухим концом полотенца мертвое лицо товарища и бормотал:

— Вот она, жись-то человечья... ниточка!.. Не знаешь, где оборвется!?. Ладно, дружок... не забудем... понимаю теперича!..

Повернулся к Дементию, стоявшему истуканом и теребившему грязную пепельную бородавку:

— Ну-ка, Дементий!?. Готово!.. Парня-то... зови...

Дементий очнулся:

— Чичас!.. Мигом!.. Петровна!?. Ребят-то... живо!..

Кинулся к двери. Шмыгнул в сенцы.

Степанида повалилась на труп. Припала губами к холодному лицу. Замерла.

Старик разогнул спину. Встал на ноги.

— Ну, ну... поплачь... легче оно...

Но не плакала Степанида.

Закрyla глаза и пристыла к трупу.

Вошли Дементий и молодой Голубков.

— Готово! — командовал Дементий. — Живо!.. Прощайтесь!.. Петровна!..

Оторвалась Степанида. Метнулась в горницу.

— Оля!.. Доченька!.. Прощайся...

Сорвалась с постели и Ольга. С криком кинулась в прихожую.

— Тятя!.. Тятенька-а-а!..

Дементий шипел:

— Тише! Тише!.. Ради истинова!?. Погинем!..

Ольга повалилась и, всхлипывая, обняла голову отца.

Степанида притащила за руки полусонных, куксившихся детей.

Побелевшими губами шептала:

— Васинька... Мотя... целуйте тятю... прощайтесь...

Васютка поднял круглые голубые глазенки;

— Зачем?

— Прощайтесь! — шептала Степанида, машинально толкая детей к труп. — Уедет сейчас тятя... уедет...

Непонимающие дети склонились. Поцеловали отца. И снова прижались к матери.

Дементий торопил:

— Поскорей.. поскорей... ради истинова!?

Не обращая внимания на вцепившихся в платье детей, Степанида еще раз повалилась рядом с плачущей Ольгой; обняла голову Федора; пристыла к холодным губам:

— Ну, будет! — шипел Дементий. — Пошли!.. Ради истинова!?

Трое схватили труп — за плечи, за ноги.

Степанида помогала.

Быстро вынесли в сени, в ограду.

Положили на телегу.

Так же быстро, в две лопаты, накидали в телегу мусору. Засыпали труп.

Молодой Голубков еще раз прыгнул кошкой на забор. Посмотрел в черную тьму улицы и спрыгнул обратно.

— Можно!..

Распахнул ворота.

Старик шептал Дементию:

— Значит мы берегом... кругом!.. Выедем к заводу... отталева, полем... к лесочку!.. А вы с Петровной, прямо, городом!.. Торопитесь... неровен час...

— Ладно — перебил Дементий. — Знаю... валийте... Лопаты не забудь!.. Петровна!?. Живо!.. Одевайся...

Степанида кинулась в дом.

Молодой Голубков взял в руки возжи. Дернул. Конь с храпом двинулся из ворот, семья ногами, вышел на дорогу и быстро потонул в ночной тьме.

Старик зашлепал по тротуару вслед за удаляющейся телегой.

9.

Зябко в избушке Дементия.

Утренники стояли холодные. А дров не было.

Аксинья, жена Дементия—сухая, сутулая и желтая, в сереньком платье, в черном монашьем платочке, сидела около стола на сундуке.

Шила что-то, похожее на пеленишник с мотней.

По другую сторону стола, на табуретке, сидела по дорожному одетая Степанида—в черной плюшевой жакетке на вате, в сером пуховом платке.

Оперлась бледным лицом на руку. Остановившимися глазами смотрела в окно—в одну точку.

Дементий, в обремканом пальтишке и в картузе, копошился в кути на лавке. Упаковывал в тряпицы и перевязывал шнурками три браунинга и три нагана. Рядом, на лавке, лежал, продолговатый металлический снаряд. Тут же стояла небольшая корзинка с провизией, к ней привязана ремнями подушка в синей наволочке.

Аксинья швыркала острым посиневшим носом и ругалась:

— Халера... а не жись!.. Зима подходит... а у нас ни полена...

Дементий смеялся:

— Зато верховный правитель есь!

— Лихоманка бы его затрясла!.. Платит гроши... с голду... подохнеш! А изгальства... больше, при царе!.. Правитель!..

Дементий примащивался на лавку.

Никак не мог сесть.

Бормотал:

— Ну, порют, сволочи!.. Казак нагайкой бузет!.. А ета стерва... резиной норовит!.. По заграничному! Неделю не присядешь...

Степанида молчала. Смотрела в окно.

Изменилась она в три дня.

Продолговатое лицо с полным подбородком покрылось матовой белизной. Синие глаза стали темнее и шире. И волосы на голове как будто чернее стали. Синий отлив их виднелся из-под пухового платка и резко оттенял белизну лица. Около глаз и посиневших полных губ появились морщинки.

И сама Степанида чувствовала, что изменилась.

Словно узнала вдруг что-то неизвестное. Выросла.

Перед глазами мелькали картины пережитой недели: проводы парохода, крестный ход, разгул золотопогонников, обыск квартиры, смерть мужа, избивание и издевательства в контр-разведке.

Все это получило теперь какой-то большой и глубокий смысл.

Что-то огромное захватило в крепкие непреодолимые об'ятья. Обступили миллионы оборванных, голодных и вшивых, изнемогающих в кроваво-огненной борьбе.

Женщина выросла перед глазами — в сером изодранном платье, с ошметками вырванного мяса на груди, с палкой в руках. Птица хищная вьется над ней; клюет, рвет когтями, бьет крыльями.

Только сейчас поняла Степанида, что не во сне видела эту женщину с хищником — в ту ночь, когда пришел Федор — картинка мерещилась.

Когда-то давно, в Октябрьские дни, Федор показывал картинку и говорил:

— Россия это... вишь: хищный капитал тиранит ее, а она отбивается.

Но теперь случайно мелькнувшая в памяти картинка встала перед глазами — живой; сли-

лась с миллионами борцов — в единый окровавленный и истерзанный образ советской России.

Стоял этот образ перед воспаленными глазами; сверлил голову и грудь; властно звал на борьбу со своими и чужеземными истязателями.

Сидела Степанида у стола, смотрела в окно и чувствовала:

— Пылает в груди. Мир бы зажгла!..

Натянулась внутри пружина. Не гнется.

Высохли слезы. А сердце все еще кровью сочится.

Думала о малых ребятах.

А рвалась к старшему. К Ленке.

— Соколик... не знает... не чувствует беды!..

Дементий перегрыз зубами шнурок на свертке с револьверами, смотал на шершавую руку длинный конец шнурка, подержал в другой руке сверток — попробовал на вес.

Положил на лавку и повернулся к Степаниде.

— Дак как же, Петровна?.. Не раздумала?..

Не отрываясь от окна, Степанида ответила:

— Нет.

— Зря... ей-бо, зря!.. Есть люди... отвезли бы!.. Чижало, вить... А эта штука...

Дементий посмотрел на снаряд, лежавший на лавке.

— Не дай бог, взорвется по дороге!? Нежна стерва... чуть дотронь и готово... прах один!.. Пробовано... знам...

Степанида повернула бледное лицо с широкими глазами.

— Билет-та достал?

— Билет будет... чичас побегу!.. Ишшо боле часу до отходу... Слесарь знакомый добывает... Оба не вышли седни на работу... думам: надо пристроить бабу!.. Для нас, вить... наше делато... опчее!.. Опять же товарищ Федор... не жалел себя!..

Рвануло по сердцу Степаниду. Нестерпимо заныла рана в груди. Не хотелось дальше бедить. Оборвала Дементия:

— Ладно!.. Добывай, иди... Час — не заметишь... место искать надо...

Дементий засуетился:

— Чичас!.. Тут чо... через пути перешагнуть!.. Вот как нащет этой мамзели-та?

Опять взглянул на снаряд.

— Как у вас бантик-та, готов?.. Я бы сам приспособил тебе, Петровна.. Неровен час!..

Аксинья взялась за пришивку последней пуговицы.

Заворчала:

— Кончу... без тебя изладим!.. Иди уж...

Дементий нахлобучил примятый картуз.

— Да уж вы... осторожно!.. Ради истиннова!.. Шибко нежна... пружинка в ней!..

Скользнул в дверь.

Степанида заперла дверь на крючок. Опять села к окну.

Сердито дергая иголку с ниткой и не поднимая глаз от пеленишника, Аксинья заговорила:

— Напрасно ввязалась, Стеша... канитель!.. Смотри, чо деитца?.. Сама видишь: тюрьма битком набита!.. Расстрелы — кругом!... Бушуют, собаки!.. А ты лезешь в тако дело...

Степанида оторвалась от окна.

— Двух смертей не будет...

— А дети-та!?

— Не на чужой стороне и дети...

Аксинья швыркнула носом, поежилась от холода и вздохнула:

— Охо-хо... Стешинька!.. Нихто не заменит тебя... Мать вить ты!?, Подумай-ка... Страда-та кака им будет!?

Большие синие глаза блеснули. Вокруг губ морщинки натянулись. Насилу разжала их Степанида.

— У других... меньше страды?.. Ты-та как живешь, Акси́нья?.. Мало хлебнула?.. А там... в России?..

Акси́нья откусила нитку, бросила на стол шитье. Нагнулась, вытянула длинное желтое лицо и, подавляя слезы, зашептала:

— Чую, мила Сте́шинька... Чую!.. Да вить... мужичье ето дело... не наше!.. Птахи-та твои... как?..

— Не на век еду... Отвезу, повидаюсь и вернусь... Там тоже не щенок.. сын!.. Може больше надо материнску ласку..

Помолчав, Степанида продолжала:

— Дело это одинако, Акси́нья... Ты-то помогала тюрьму обшивать? По сборам бегала?.. Теперь другое пришло!.. Тоже, поди, видишь: худо мужикам... Федя рассказывал: весь мир против нас!.. Надо и нам...

Акси́нья замотала головой.

— И-и!.. Не говори, девонька! Вижу... чорт нанес.. всяких!.. Ково только нет.. и чехи, и англичаны, и каки-та таянцы, румынцы... А

кабелье-та како!?. Кормлены!.. И все хозяйва!.. Только мы квартиранты.. На своей-та земле!?. Дожили...

.А Степанида уже о своем:

— Изошлось мое сердце... кровью!.. Разорвала бы на две части!.. Тут оставила... и туда повезла!..

Заволокло синие глаза. Оборвался голос.

— А слез нет, — камень грудь давит.

Аксинья швыркала носом и вытирала подолом мокрые глаза.

Степанида поднялась. Выпрямилась: Сухо спросила:

— Кончила?

— Кончила... крепко будет!.. Примеряй...

Степанида взяла пеленишник.

Пошла в кут, взяла снаряд, положила в мотню, вернулась к столу и осторожно стала зашивать.

Аксинья беспокойно бегала глазами за ее движениями.

Окончив шитье, Степанида расстегнула бархатный жакет, потом ворот коричневого платья.

Повесила пеленишник на шею.

Снаряд лег глубоко между высокими грудями.

Застегнулась и посмотрела в засиженное мухами зеркальце над столом.

— Не заметно, Акси́нья?

— И ни капельки!..

В окно осторожно постучал Дементий.

10.

Подходя к станционным путям, Дементий остановился. Подал Степаниде корзину с привязанной подушкой.

— Типерича уж одна иди... валяй!..

Степанида поправила платок на голове, взяла за ремни корзину. Вдохнула:

— В случае... Не оставьте, Дементий... ребят-та!?. Посмотрите...

Дементий подал руку для прощанья.

— Будь спокойна!.. Доглядим... заставлю бабу... каждый день!.. Как же... опчее дело!.. Опять же — дите...

— Пожалуйста... уж я надеюсь!..

Дементий засмеялся и хлопнул ее по плечу.

— Ну, уж иди!.. Чо зря калякать? Сказано... и конец!.. Понимаю... куды...

Еще раз пожал Степаниде руку.

— Счастливо!.. С кралей-та... поосторожней... ради истиннова!..

— Ладно...

— Ну... жарь!.. Прямо под вагоны.

Степанида нырнула с корзиной под товарные вагоны.

Дементий вслед еще тихонько раз крикнул:
— Не сумлевайся, Петровна!.. Нащёт ребят-
та... Ни-хто нибудь... Рабочи!..

Долго ныряла Степанида по пустынным путям.

Наконец, вышла к шумной людской платформе, около которой стоял пассажирский поезд.

Устали ноги. Спина ныла.

Около хвоста поезда остановилась. Огляделась.

Платформа переполнена военными.

Суетливо бегали и перекликались офицеры:

— Поручик!.. Багаж не забудьте!..

— Сюда, господа, сюда!..

— Полковник!..

— Слушаюсь!..

Молодые солдаты путались в длинных неуклюжих шинелях, тащили мешки, ящики, котомки.

Кричали и ругались:

— Куды-те... чорт!..

— Билет-та... билет!..

— Ванька, айда!

— Не пускают... чехи там!..

— А мать их...

Степанида пошла платформой вдоль поезда.

Навстречу, в сером журчащем потоке, попадались спокойно-важные и сытые англичане в рыжеватых шинелях, в фуражках с двумя козырьками. Шли с сигарами, попыхивали.

С озабоченным видом куда-то спешили тонконогие французы в коротеньких плащах и в кепи.

Краснощекие и усатые чехи стояли в одиночку с винтовками за плечами. Потягивали трубки и тупо-равнодушно посматривали на серый, волнующийся поток.

Гуляли группы русских и чешских офицеров с дамами.

Весело и беззаботно хохотали.

Около вагонов толкались пассажиры с ручным багажом — кричали, шумели.

— Да пусти же...

— Господа, господа... не напирай!..

— Што же нам, русским... подыхать теперь?..

— Господин кондуктор... ради бога!..

— Не можно сюда... не можно!..

— А куда же мне?

— Не лезь... бомбами закидаю!..

Мелькнули два маленьких японца — тоже военные.

Взглянула Степанида, — закипела злоба в душе.

Вспомнила слова Аксиньи:

— Кого только нет!?. Все хозяева!..

Около следующего вагона опять толпа.

Крик. Шум.

В сторонке группа французов и англичан, с сигарами в зубах, любовалась скандалом

Засаленный деповской рабочий стоял на первой ступеньке вагона, держался руками за колонки — норовил пролезть в вагон.

Японский солдат сверху толкал рабочего в грудь прикладом и шипел:

— Нисся!.. Нисся!..

Рабочий упирался...

— То-ись как это нельзя?

У японца горели косые глаза. Толкал и хрипел.

— Нисся!.. Факон япан!.. Фоны!.. Фоны!..

У рабочего глаза выкатились. Побагровел. Повис на колонках. Истукпенно кричал:

— Пойми ты... сволочь косоглаза!?. По служебному я...

— Нисся!.. Япон!.. Милитәр!..

Размахнулся. Ударил в грудь.

Рабочий икнул и черным мешком свалился на платформу.

Французы и англичане захохотали.

Толпа кричала:

— Зачем бьешь?

— Нельзя-аа!

— Разбой!

— О-о-а-а-о-о!..

Японец защелкал затвором винтовки.

У Степаниды в душе клокотало.

Дрогнула свободная рука — к вороту жакетки потянулась.

Стиснула зубы. Сдержалась.

— Нет... собаки!.. Дороже продам!..

Кинулась мимо толпы дальше.

Подходила к вагонам. Толкалась вместе с другими. Просилась.

Нигде не пускали. Все вагоны были переполнены.

Дошла до последнего зеленого вагона.

Впереди остался только багажный вагон да паровоз.

Около зеленого вагона толпились женщины и солдаты.

Молодой высокий чех стоял на площадке, держался за колонки, скалил зубы и пропускал только женщин. По выбору — в шляпках.

— Не можно всем... не можно!..

— Пожальте, модам!?..

— Ви куда?.. Нельзя!..

Степанида протолкалась в середину толпы.

Поняла — в чем дело. Безнадежно остановилась.

Чех бегал по толпе черными смеющимися глазами. То ласково приглашал, то грубо толкал.

Увидал Степаниду. Скользнул по лицу, по груди.

Крикнул через головы толпы:

— Пожальте?.. модамочка?..

Дрогнула Степанида.

Чех настойчиво повторял:

— Што-жь ви?.. Пожальте!.. Лезьте!?..

Буйный хмель ударил в голову Степаниды.

Чувствовала, что пылает лицо, пылают уши под платком.

Секунду колебалась.

— Все равно!.. Что будет...

Решительно двинулась к ступенькам вагона.

11.

Скрипел и покачивался вагон. Мерно постукивали колеса на стыках рельс. В окнах мелькали телеграфные столбы, серая паутина проводов, белые узорчатые семафоры, однообразно-желтые казармы и станции.

В вагоне ехало двадцать пять человек чехов и около десятка нарядных веселых женщин.

Отдельно от всех держались трое: жена кооператора — молодая, смуглая, с пышной вьющейся прической, с большими робкими глазами, тоненькая белокурая девушка и Степанида.

Степанида лежала на верхней полке — в самой середине вагона. За всю дорогу слезла один раз — чаю попить. Не могла отвязаться от назойливого коменданта, посадившего в вагон, и от курносой напудренной купчихи, сидевшей на нижней полке,

За стенкой в соседнем отделении находилась белокурая девушка. Все время сидела в углу, с книжкой в руках, поджав ноги и укутавшись в теплый платок. Когда чехи заговаривали, девушка краснела и отвечала односложными словами.

По другую сторону от Степаниды, также за стенкой, помещалась жена кооператора. И она весь день валялась на полке. Тоже мало говорила.

Степанида лежала на спине. В изголовьи стояла корзина, к которой Степанида подложила подушку.

Иногда надолго закрывала глаза.

Но не спала.

В голове неотступно стояли картины пережитого. Попеременно вызывали в душе злобу, страх и ненависть.

Смутно разбиралась в бурном потоке чувств, клокочущих в груди.

Металась душа.

Ныла грудь под тяжестью снаряда.

При воспоминании о муже и брошенных детях точилась кровь в сердце.

Чувствовала какую-то непоправимую и неизгладимую вину перед ними:

— Детушки!.. Изболелась я... Федя!..

Обрывались мысли. Камнем давил грудь снаряд.

Вспомнила побои дома и в контрразведке. Охватывала жгучая ненависть и злоба. В голове мелькала дикая мысль:

— Швырну в собак... и сама с ними!..

А перед закрытыми глазами, вдруг неожиданно, вставал образ сына.

Кричал:

— Мама!.. Мы ждем!! ..

Сама себе отвечала:

— Еду!.. Везу, сынок!.. Довезу!.. Ох!..

Скрипела зубами. Осторожно придерживая рукой грудь, повертывалась к стенке.

Снаряд под платьем отваливался несколько на бок.

В душе что-то отвалилось. Легче становилось.

Слышала ритмический стук колес, попыхи-вание паровоза, хохот внизу, под полкой.

— Хи-хи!.. Еще европеец... разве так... жмут!?..

— Русски дам можно больше жать... .

— Попробуйте соседку... на полке?..

— Вона спит... все бариши проспять!.. Спекулянтков не любим...

— Ха-ха-ха!.. Зачем же посадили?

— Энтәресни...

— А я?

— Ви...

Слышалась возня. Звонкие, противные поцелуи.

Снова хотелось забыться.

Снова погружалась в больные, непреодолимо-жгучие картины и ощущения.

Уже черная тьма смотрела в лакированные окна. Широким веером сыпались искры из трубы паровоза. В проходы падали желтые полосы от фонарей над дверьми. Под крыльями полук полумрак. Но шумно в вагоне.

В открытые двери врывался разноголосый гомон. Визгливо хохотали женщины. Животно ржали чехи. Гремела чайная посуда. Стучали полки. Топали тяжелые башмаки.

Вагон поскрипывал и покачивался, точно живой. И колеса ожили — ритмически выговаривали:

— Так и надо... так и надо... так и надо..

А на нижнем сиденьи ворковали:

— И как ей не надоест? Весь день спит...

— Нам лючче...

Снова гомон, скрип, ритмический стук.

И опять.

Полушопот:

— Она же не спит.. погодите!..

— Ничего—можно!.. Снимите ваш панталон...

Гадко на душе. Ноет грудь под тяжестью снаряда. Слипаются веки. Качает и несет Степаниду. Несет куда-то в черную, бездонную пустоту...

Забылась. Уснула.

Задергал паровоз, заспотыкался вагон, звонко заговорили чугунные тарелки.

Толкнулась плечом о стенку Степанида --- вздрогнула и проснулась.

Инстинктивно схватила снаряд под платьем.

Ужас охватил душу. С трудом поняла, что ничего особенного не случилось.

Поезд качает, скрипит и бешено несется под уклон.

Открыла глаза — темно. Фонари потушены.

В вагоне тишина. Сквозь грохот прорываются звуки, слова...

Внизу безмятежно храпит курносая купчиха.

Справа, за стенкой — умоляющий шопот дамы с пышной прической и с робкими глазами:

— Слушайте!.. У меня же муж... дети!..

Стук локтей о стенку и хриплый голос:

— Я люблю вас...

— Как я явлюсь... поганая!..

— Я хочу вас...

— Ой!..

Опять стук, возня, придушенный стон.

То же самое слево за стенкой.

— Ради бога!?! Я ничего не знаю...

— Тем лючче...

— Что вы со мной делаете!?! Ой!.. ой!..

Больно!.. боль...

Зажал чем-то рот. Умолкла белокурая девушка. Судорожно стучит ногами о стенку.

В дальнем купе такая же возня и сдержанное хихиканье.

— Хи-хи!.. Вы мне все кнопки оборвали!.. хи-хи!.. Нехороший!.. хи-хи!..

Степанида горела, а зубы стучали.

Спрыгнула на пол. Кинулась из отделения в противоположную сторону вагона. Побегала впотьмах мимо полки, на которой лежала дама с пышной прической. Миновала еще одно отделение.

Везде одно и то же — возня, грязный женский смехок.

— Я же не могу... ей богу, не могу!.. Вы же третий...

Дальше.

И опять около самых ног Степаниды возня и хрюканье.

Вдруг в черном сумраке перед самым лицом выросла высокая фигура с горящими глазами.

Комендант.

Чувствовала его противное дыханье.

— Молёдка... это ви?..

Потянулся рукой к талии.

Судорожно схватилась за грудь, сжала в руке снаряд.

В голове мелькнуло:

— Рвану... вместе с платьем!..

Крикнула:

— Уйди!

Отдернул руку.

— Не вольнуйтесы!.. Не рвите ваш льиф...

— Убью!

— Ваш льиф не надо... спекулянтков не любим!..

Затрепетал в руке снаряд. Затрещали пуговицы.

А в голове:

Ма-а-ма-а!

Как плоть упала рука — повисла.

Кинулась обратно.

Не помнила, как пронеслась впотьмах по вагону, как очутилась на полке—лицом к стенке.

Лежала и долго не могла понять:

— Сон ли?.. Лютое ли пламя лихорадки?..

Тряслись руки, ноги. Трепало все тело. Зубы отбивали мелкую дробь. В висках токало.

Смутно улавливала звуки..

Ворочается и тяжело вздыхает дама с пышной прической.

Всхлипывает белокурая девушка.

Безмятежно похрапывает курносая купчиха.

Колеса четко выговаривают:

— Так и надо... так и надо... так и надо...

12.

— Госпожа!.. Госпожа!.. Билет!?

Степанида открыла глаза.

— Ваш билет?

— У меня проверяли...

Бородатый кондуктор улыбнулся.

— Не для проверки... совсем давайте!.. Город... к городу подходим...

Только сейчас сообразила, что на дворе утро.

Торопливо достала из кармана билет. Подала.

Бригада прошла дальше.

Степанида взглянула в окно—поезд подходит к предместью. Недалеко вокзал.

Придерживая рукой грудь, спрыгнула с полки. Стала собираться.

Купчиха сидела одетая около связанных чемоданов. Улыбаясь, говорила:

— Ну и спите вы... крепко!..

Степанида сухо кинула:

— Ночью долго не спала...

— Небось, дома торгуете... не удастся так поспать!?

— Где там...

— За каким товаром едете?

— Так .. што придется...

— Хорошо зарабатываете?

— Всяко... где заработаешь, а где и про-
работаешь...

— Дети, должно быть, есть... Турусили вы
ночью... ребят вспоминали...

Степанида бросила злобный взгляд.

— Весь вагон турусил! Вы тоже турусили...
с чехом-то...

Краска выступила на курносом лице куп-
чихи. Даже сквозь толстый слой пудры видно.

Смущенно пробормотала:

— Ну... знаете... вы слишком!..

И замолчала.

Поезд подходил к вокзалу.

Степанида завязала корзинку с подушкой.
Надела жакет и платок.

Волновалась.

Руки тряслись. В груди трепетало.

Хотелось через окно прыгнуть. Поскорее на
сына взглянуть—горе выплакать, тяжелую но-
шу с груди снять.

А поезд, как на зло, тихо плелся мимо жел-
тых построек к каменному вокзалу; то и дело
спотыкался.

Осторожно протолкалась с корзиной через веселую кучку дам и чехов к выходной площадке вагона.

Через головы жадно рассматривала толпу на платформе.

Чуда ждала.

— Может быть, ходит... тут!?

Рисовала в уме:

— Высокий... плечистый... а глаза мои!.. Оборвался, поди!.. Румяный был... усишки растут!..

Точно замороженная, плыла мимо поезда густая, серая толпа.

Мелькали приземистые фигуры вооруженных чехов, светлые пуговицы, погоны, шляпки, шинели.

Холодные лучи осеннего солнца скользили по серому морю. Большими бледными языками лизали белое здание.

Толкнулся поезд. Звякнул чугунными тарелками. Остановился.

Степанида спрыгнула со ступенек и понеслась через серые волны к под'езду.

Дальше—в шумные улицы.

Холодно ватно в предместьи. По-осеннему сухо.

Солнце яркое, а греет плохо.

Люди бегут. Ежатся.

И Степанида спешила. Бежала—ног под собой не чувствовала.

Прошла три квартала, свернула за угол—в переулок.

Около полых ворот на двух вооруженных казаков наткнулась.

Один рявкнул:

— Куда лезешь?.. Обходи... на ту сторону!

Взглянула.

Оба в длинных шинелях. На погонах и на рукавах—черные черепа.

Анненковцы.

Свернула с тротуара. Пошла на другую сторону.

Когда проходила противоположным тротуаром, мимо полых ворот, раздался залп:

— Тррахх!..

Метнулась глазами к воротам.

Далеко, в глубине двора, на земле, распластался широкоплечий русоволосый юноша в черном костюме.

Лежал на земле головой к воротам. Вздрагивал. Тыкался безусым лицом в землю; судо-

рожно вытягивал вперед руки—ловил пальцами воздух.

Казаки щелками затворами коротких винтовок. А офицер сморкался в белый носовой платок.

Кинулась мимо. Сердце остановилось. Дух захватило. Ноги болтались, как деревяшки.

Бежала—не чувствовала тяжести корзины. Волоса смокли под пуховым платком. По лицу пот градом катился. Наталкивалась на одиноких пешеходов—чуть с ног не сбивала.

Один сорвался с тротуара.

Повернулся. Крикнул вслед.

— Ошалела баба!...

Бежала, не оглядывалась.

Казалось, что вот-вот еще раздастся выстрел.

Не добежать до цели. Не передать драгоценной ноши сыну.

А в уме мелькало:

— Еще квартал.. за угол.. там и квартира Михеича!.. Не ждут старики... Федора ожидают!.. Ох!.. Феденька... болезный!!..

13.

Михеич вышел в кухню, в потертом кондукторском казакине, с обливными кантами; в черных засаленных шароварах и белых подшитых пимах.

Провел рукой по реденькой седеющей бороде. Сурово посмотрел через очки и развел руками:

— Батюшки!.. Степанида Петровна!.. Какими ветрами?.. Где же Федор-то?.. Мы, ведь, его ждем...

Побелела Степанида. Складки легли — на лбу и вокруг полных губ.

Потемнело в глазах.

Но овладела собой. Клещами стиснула сердце, — зажала кровоточащую рану в груди.

Спокойно заговорила:

— Здравствуй, Михей Михеич!.. Неприятность маленькая с Федором... После расскажу...

— Да неужели!?

Михеич суетливо схватил корзину — сунул на лавку; схватил с рук Степаниды жакетку — бросил на кровать, пуховый платок, потащил в горницу.

Торопливо восклицал:

— Михална! Настя!.. Смотрите-ка... приехала кто!.. Милости просим!.. Милости просим!.. Вот не ждали!.. Настя!.. Михална!..

В горнице встретили — жена и дочь Михеича. Забросали вопросами:

— Батюшки!.. Да как же это?..

— Какими судьбами?

— Федор-то как?...

— Што с ним?..

Из пересохшего горла с трудом выдавила Степанида:

— Арестовали...

Все трое вытянулись. Глаза круглые.

— Да неуж?

— Как же это?...

У Степаниды слова обрывались:

— Постойте... после... Леня!.. не у вас?.. Где он?.. Как?..

Настя кинулась в кухню — самовар ставить.

Михеич поправил на носу очки.

— Леня-та?.. Нет... живет в конце города... Дом спокойный!.. У нас, ведь, ух!.. Двенадцать языков!.. Ветер... и тот в контр-разведке служит!.. Доносит!.. Все доносят!.. Чехи, казаки, поляки,

сербы, американцы, французы, японцы, итальянцы, румыны, англичане...

Нетерпеливо оборвала поток названий:

— Што он делает?. Здоровый?..

Михеич улыбался:

— Здоров!.. Устроим!.. Свидишься!..

— Сегодня нельзя?.. Михей Михеич... Сейчас!?

Полная и рыхлая Михайловна замахала руками:

— Што ты, што ты!.. Степанида Петровна!.. Обогрейся... чайку с дороги...

— е могу, Михайловна!.. Мать ты...

— Знаю!.. Ну... не пустим!.. Как это можно?.. Вгляни на себя—дорога-то што из тебя сделала!?.. Краше в гроб кладут...

Михеич стул пододвинул.

— Да присядь... Степанида Петровна!?

— е могу, Михей Михеич... не держите!..

Были бы крылья...

Михеич удивленно посмотрел через очки. Руками развел:

— Вот-те раз!..

Степанида настаивала:

— Пойду сейчас... Настенька проводит?..

Старики растеряно молчали.

Михеич конфузливо прятал взгляд.

У Степаниды сердце затрепетало.

Села на стул. Взволнованно заговорила:

— Михей Михеич... не сидит он?.. Жив?..

Правду говори... все!..

Михеич прятал глаза в стекла очков.

— Да нет... здоров... все, как следует!.. Благополучно!.. И дом, и все... Только не знаю, как... Место такое!.. Дамочка — Настина подруга... Муж, офицер... на фронте... а у ней чех!.. Вроде как бы... гость... постоянно!.. Боюсь... встречи-то вашей!.. Молодой... Ленька-то... не выдержит... влопаетесь!..

Степанида задумалась. Смотрела через окно. Колебалась.

Потом встала на ноги.

— Пойду!.. Все равно!.. Далеко отсюда?

Михеич покачал головой:

— Далеко!.. На вокзал надо... оттуда по ветке в город!.. А там тоже порядочно... Да... повременила бы до завтра?..

Степанида решительно:

— Нет... пойду!.. Расскажите... одна найду!..

Михеич конфузливо бормотал:

— Родительское сердце... материнское!.. Иди...
что с тобой...

Повернулся к дверям.

— Настя!.. Провожай-ка Петровну!?. К
Лене...

Настя стучала самоварной трубой.

Торопливо ответила:

— Сейчас... сию минуту!

Степанида тихо сказала Михеичу:

— Пойди в кухню, Михей Михеич... Пере-
одеться мне надо... Посылочку для Лени при-
везла... снять надо...

Михеич заторопился:

— Пожалуйста, пожалуйста!..

Вышел в кухню.

Осторожно прикрыл дверь.

14.

В комнату Леонида солнце заглядывало только по утрам.

Сегодня было как-то особенно ярко.

Через большие рамы врывались широкие полосы лучей. Падали на белые стены, на длинное зеркало, на узорчатый потолок. Яркой близкой отсвечивали бумаги и книги на столе. Блистали венские стулья.

От печки, выходящей в комнату из столовой, тянулось тепло.

И на душе у Леонида было беспричинно радостно.

Еще в постели почувствовал странный, волнующий трепет.

Обычно целыми днями молчал.

Хозяева считали нелюдимым.

Сегодня хотелось в постели заговорить, запеть.

Спрыгнул с кровати. Быстро стал надевать штилеты, брюки, черную косоворотку.

Взглянул в зеркало, висевшее у противоположной стены над столом.

Оттуда заспанно сияло розовое, чуть-чуть скуластое лицо в пушистой русой рамке, с таким же пушком на тонкой верхней губе. В больших синих глазах, под широким лбом с темно-русыми вихрами — наивно-детская радость.

Засмеялся:

— Ну и подпольщик!.. Посмотрели бы ребята...

Заломил руки. Потянулся перед зеркалом. Захрустели кости в молодом плечистом теле.

— Эх, батя!.. Спасибо... твоя сила!.. Где-то загостился...

Вспомнил мать. Тихо замурлыкал:

„Ког-да был я ре-бен-ко-о-ом род-на-я мо-я-а..

Если де-тско-е го-ре то-ми-л-ло ме-ня“.

Остановился:

— Эх, чорт... забыл!.. А красиво...

В таежной деревушке встретился со старым большевиком-подпольщиком. Частенько слышал от него. Но забыл. Только первые слова и остались в памяти.

— Здорово пел товарищ... слушаешь, бывало... в горле шиплет...

В столовой гремели посудой. Шумел самовар. Кряхтела старуха — мать хозяйки.

Молодая хозяйка услышала голос Леонида—крикнула:

— Василий Степаныч!.. Вы сегодня в праздничном настроении!?:

Не любил сытой и развратной мещаночки. Но весело ответил:

— Есть!.. Грешен!..

Слово „Степаныч“ музыкой прозвучало.

Нарочно сам придумал и в мытом паспорте написал. Чтобы в повседневной жизни слышать имя матери.

Никому об этом не говорил. Даже отцу.

С хозяйкой через дверь перекинулся:

— Утро хорошее, Наталья Ивановна!..

— Чай пить пожалуйста!

— Не умывался еще...

— Стыдно!.. Без пяти десять... на службу пора!..

— Ну ее... к чорту!.. Не пойду...

— Вот как?

— Надоело!..

Сорвалось неожиданно. Но сразу решил—не ходить никуда.

Надоело шляться каждый день—искать места, где можно провести время до обеда.

Вспомнил: надо исполнить поручение партийной организации, написать воззвание к рабочим и к партизанам.

Сбежал в кухню, умылся.

Перед зеркалом шаркал полотенцем розовое лицо и весело посматривал на холодные яркие снопы, падавшие через окна.

Хозяйка опять крикнула из столовой:

— Ну что же вы?.. Василий Степаныч!?

— А нельзя... сюда чаю подать?

— Как хотите... Катя, подай Василию Степановичу!..

Не хотелось идти в столовую. Приятен волнующий трепет, неведомо откуда прилетевший.

Причесался и сел к столу.

Прислуга поставила на стол стакан чаю, сахар, белую булку с маслом.

Быстро пил и жевал вкусную булку.

После второго стакана сказал:

— Больш: не надо, Катя... и притворите дверь... буду работать...

Разложил бумаги. Изредка глотал из стакана. Быстро скрипел пером.

Нужные слова и мысли рождались сами собой, легко падали на бумагу. Так же легко,

как птицы, -срывались другие мысли. Улетали далеко, далеко...

Об отце думал. Долгой задержке удивлялся:

— Неужели семья приковала?.. Неужели размяк?.. Да нет... Крепыш!.. Буйный!.. Не засидится!.. Разве засыпался?..

Тревога стукнула в грудь.

Отмахнулся.

Скрипел пером по бумаге.

Бросал жгучие слова и пламенные призывы.

И опять думал о своем. Мать вспомнил.

Затосковал.

Писал и думал:

— Родная!.. Одна... полтора года!.. Измучилась с ребятами...

Нестерпимо захотелось вместе с думами оторваться от бумаг, улететь.

Туда, далеко, на берег реки, в маленький домик.

Повиснуть на шее, прильнуть к лицу... Обмыть слезами радости, зацеловать дорогую, ободрить.

Сказать:

— Скоро!.. Скоро, родимая... вместе будем!.. Не расстанемся!.. Не дадим больше мучиться... отомстим!.. За все!..

Клокотало в груди. Кровь горела в жилах.
Другие слова ложились на бумагу,—призывающие к борьбе, к беспощадной мести.

Другая мать встала перед глазами и звала.
Необ'ятно великая! Оборванная! Окровавленная! В огне и муках... Советская Россия!..

В юной душе принес ее истерзанный образ—из-за Уральских гор.

И не расставался.
Вместе с отцом боролся за нее на фронте.
Прошел более тысячи верст лесами и болотами.

Готов был в любую минуту отдать за нее молодость и жизнь.

И опять вспомнил свою мать—простую, малограмотную женщину:

— Дорогая!.. Ты таким воспитала!.. Ты научила любить ее!.. За твою правду борюсь!..

Оторвался от стола. Встал. Взглянул в зеркало.
— Как странно!.. Все отцовское... а глаза ее!..

Зашагал по комнате.

— Если бы знала!.. Сколько пережито за полтора года!? Мальчишкой ушел... слесаренком чумазым!..

Как в кинематографе, мелькнуло:

Война, переброска с фронта на фронт, встречи со старшими партийцами, кипучая работа, усиленное чтение, борьба, тревоги.

— Вырос!.. Не узнает!.. Не поверит!..

Старые партийцы заметили. Низы выдвигали.

Сейчас доверяют ответственные и опасные поручения.

— Мне!?! Мальчишке!..

Улыбнулся.

В передней затрещал звонок.

Молодая хозяйка понеслась отворять крыльцо.

Посмотрел на часы:

— Так и есть... чех!.. Стефан Поливко... возлюбленный...

Ежедневно перед службой заходил.

Гадко стало на душе.

Опять сел к столу. Опять заскрипел пером.

Долго и торопливо писал. Не слышал разговоров за дверью.

Снова звонок. Снова полетела хозяйка.

Опять знакомый голос.

Подруга хозяйки — Настя, придумавшая квартиру и ловко скрывающая его имя и работу.

Весело разговаривали:

— Мы, ведь, не на долго!.. С базара забежала...

— Ерунда!.. Раздевайтесь... как раз к чаю... Кто-то третий.

Должно быть, тоже женщина.

Хозяйка и Настя щебетали уже в столовой.

Сам не знал почему—чутко прислушался.

Сердце усиленно билось.

Хозяйка тараторила:

— Знакомьтесь... Степанида Петровна Зубкова... друзья с папой и с мамой...

На момент замер.

Рванулся со стула. Ручка с пером шлепнулась на пол. Покатилась.

Кинулся к двери. Вцепился руками в волосы.

Чуть слышно повторял:

— Мама!.. Мама!..

За дверьми шумно щебетали.

Ничего не мог разобрать.

Стоял с закрытыми глазами. Качался. Голова кружилась. Пол уплывал из-под ног.

— Нет... нет... нельзя!.. Выдержать, выдержать!.. Иначе... погибло! Все!.. Выдержать...

Метался по маленькой белой комнатке. С трудом сдерживал бушующее дыхание. Хрустел пальцами рук.

— Мама... мое солнышко!.. Голос ее.. Волнуется... дорогая!..

Опять громкий голос хозяйки:

— Василий Степаныч!? Настя пришла! Без вас не желает чай пить... Живо!..

— Спасибо... я же... сказал...

На пороге Настя выросла.

— Василий Степаныч!? Что за безобразие!.. Не желаете показаться?..

— Одну минутку... сейчас...

Увидала—поняла.

— Пишете?.. Хорошо... кончайте... скорее..

Поспешно захлопнула дверь.

Сам не выдержал. Почти тотчас же распахнул дверь. Шагнул в столовую.

Но ..

Никто не видал, как встретились мертвенно бледные лица.. и у обоих—большие синие глаза.

15.

Избушка сторожа Марченко стояла на окраине города над крутым обрывом, падавшим в огромный полузастроенный пустырь.

Там внизу, в окнах маленьких обывательских домиков, ночью трепетали красные огоньки, а дальше, в черной тьме, лежал усыпанный яркими электрическими огнями большой город. Там всю ночь работали штабы, контр-разведка, рестораны, бродили вооруженные толпы чехов, казаков и солдат. Там смерть размахивала по улицам черными крыльями автомобилей, вырывавших жертву за жертвой из тюрьмы, из лагерей, из обывательских квартир. Там зверь, в предсмертных судорогах, справлял кровавый праздник.

А здесь, на окраине города, спозаранку закрывались ставни, запирали на крепкие засовы двери, тушили огни. Ночная тьма приносила сюда ужас и трепет. Здесь, в жуткой тишине, прислушивались к топоту ног за окнами, к тоскливому лаю собак, к случайному крику на улице. Ежедневно и ежечасно ждали страшную гостью. Поздно и тревожно засыпали.

Только около избушки сторожа Марченко почти до утра не замирала невидимая жизнь.

Здесь небольшая кучка обреченных, но бесстрашных, боролась с огромным вооруженным зверем.

Каждый знал, что перешагнувший порог избушки Марченко обречен на верную гибель. И все таки шли—без страха, без оглядки на свою личную жизнь, с твердой готовностью умереть в любую минуту. Шли и знали, что иного выхода нет. Знали, что в борьбе двух миров нельзя думать о своем, о личном. Кто-нибудь должен умереть. Черное крыло смерти повисло над всеми. Счастливый останется и докончит дело, начатое до них старшими поколениями. Их дело—борьба и смерть сегодня во имя жизни и счастья—в прекрасном завтра. С такими думами и с твердой решимостью шли сюда, на глухую окраину города, к кирпичным сараям, в избушку сторожа Марченко.

Днем прятались в чужих и жутких стенах нелегальных квартир, прикрываясь коряво-бледным лицом мытого паспорта. А ночью, озираясь и избегая встречи с людьми, шли сюда.

Здесь ночная тьма была покровительницей и союзницей.

А сегодня было особенно темно и холодно. Ночь была безлунная, черная, низко плавали осенние тучи.

На небольшой площади вокруг избушки было пустынно.

Направо, почти вплоть к избушке, громоздились длинные остроконечные навесы кирпичных сараев, которые охранял Марченко. Налево, поодаль, маячили силуэты беспорядочно разбросанных домиков.

По площади, от угла к избушке, медленно ходил человек в серой шинели.

Зорко всматривался в черные провалы улиц, прислушивался к тревожному таяканью собак, следил за малейшим движением около домов, пощупывал рукой револьвер в кармане.

Впереди, из-за угла, что-то мелькнуло.

Увеличил ход. Быстро пошел навстречу. Поравнялся, осмотрел серую фигуру в погонах, с тяжелым вздохом, тихо откликнул:

— Чумакин!

— Я...

— Фу... чорт... а я думал...

- Все собрались?
- Нет, человек шесть—семь... Лёньки нет...
- А Сосновский?
- Здесь... валяй...

Чумакин нырнул в тьму по направлению к избушке.

Серая шинелька медленно двигалась через площадь к улице.

Из-за угла вышли двое. Впотьмах столкнулись.

- Леонид?
- Я...
- А это... кто?..
- Мать...

Шинелька загородила дорогу.

— Мать?.. А как же... ребята?..

Леонид засмеялся:

— Говорю: мать!.. Работает... в нашей организации... Условились с Сосновским...

Шинелька махнула длинным рукавом.

— Ну... валяйте...

Быстро двинулись к избушке.

Стукнули три раза в закрытый ставень.

Опять тихий опрос. Опять небольшая заминка.

Открылась дверь в сенцы, оттуда в избушку. Темно. Низко. Накурено. В переднем углу на столе коптит десятилинейная жестянка. Красным язычком освещает склоненную над столом, лохматую, засаленную фигуру Сосновского.

Двое молодых рабочих, полулежа на кровати, тихо разговаривали. В кути на скамье сидели: белобрысый унтер Чумакин, железнодорожный рабочий Луговой и наборщик Васильев.

Также тихо спорили.

Рыжий всклооченный Марченко свесил с печи потрескавшиеся грязные ноги; сосал трубку, царапал под рубахой грудь; беспокойно ощупывал взглядом Степаниду.

Леонид повернулся к проводнику.

— Ты че... не узнал?

Тропов смутился.

— Не знал я... Сосновский не предупредил... што с матерью.

Сосновский оторвался от бумаг, поднял бородатое лицо. Спокойно сказал:

— Знакомьтесь, товарищи!.. Мать Леонида... с фабрики... наша...

Пока здоровались, в окно опять постучали.

МАТЬ.

Тропов кинулся отворять.

Вместе с ним вошел председатель больничной кассы Колесов,—крепкий, приземистый, с широким, начисто выбритым лицом; в пальто и шляпе.

— Здорово живете!..

— Здорово...

Сосновский опять поднял лохматую голову.

— Ну... пожалуй, время?.. Кого... надо... все есть...

Ответили сразу из кути и с кровати:

— Время, товарищи...

— Открывай, Сосновский...

Колесов с Леонидом разделись, сели за стол около Сосновского.

Степанида примостилась в углу—на кровать.

Сосновский взял со стола карандаш. Обвел маленькими серыми глазами избушку.

— К порядку, товарищи!.. Сегодня вопросы... утвердить обращение к рабочим и партизанам... Второе: доклад товарища Колесова... И самое главное: предложения военной группы... Еще есть что-нибудь?..

— Нет...

— Довольно...

Сосновский стукнул карандашом.

— Порядок не изменяется?

— Нет...

— Значит, я прочитаю обращения...

Огласил обращения.

Без прений утвердили.

Колесов в длинном докладе сообщил о состоянии партийной кассы, о выдачах заключенным в тюрьме, о пособии матери секретаря профессионального союза грузчиков, расстрелянного днем в ограде союза; об аресте двух служащих больничной кассы, живущих по чужим паспортам; об ежедневных расстрелах в тюрьме и о мерах, предпринимаемых к прекращению расстрелов.

Доклад несколько утомил. Также, без прений, приняли к сведению.

Марченко сердито сплюнул на пол и пробасил с печки:

— Ни чо из етово не выйдет!.. Кто послушат?.. Крыть их, сукиных детей, и все... Унистожать!..

Белобрысый Чумакин из кути вытянул вперед голову. Спросил:

— Чем крыть?

— Бомбами!..

— Много их у те?..

Марченко засопел трубкой. Сквозь зубы прогудел:

— Сказывают, привезли...

Солдат засмеялся, отодвинулся обратно к стене.

Сосновский опять стукнул карандашом.

— Ладно!.. Будет!.. Слово товарищу Чумакину...

Солдат отвалился от стены. Тихо начал:

— Мы, значит, обсудили предложенья... те, которые товарищ Леонид сделал на прошлом собрании... Как военная группа, мы значит, обследовали все... И вот, товарищи, какое выяснение получили: склад наполовину пустой... обрисовка положения говорит за то, што все вывозят на железную дорогу... готовят два поезда... на фронт... потому, значит, наша группа пришла к такому заключению: што самое лучшее— взорвать поезд... Это, товарищи, наше последнее окончательное мнение... Больше я ничего сказать не могу...

Сосновский повернулся к Леониду:

— Ну... Как, Леня?

Пошупывая русский пушок около губ, Леонид резко ответил:

— Я не согласен!.. Что неприступного в главном артиллерийском?.. В военной группе решили одним лишним голосом... Я берусь организовать взрыв один... Нельзя, товарищи, тратить единственный снаряд... на пустяки...

Бритый Колесов бросил на пол папиросу. Спросил солдата:

— А ты, лично... как думаешь, тов. Чумакин?..

Солдат улыбнулся:

— По-моему... дело—верная гибель!.. А польза... какая?.. Охрана из чехов и казаков... Связь почти невозможна...

Многовенно покрасневший Леонид вскочил на ноги, выбежал на середину избушки. Порывисто говорил:

— Я протестую, товарищи!.. Вопрос срывается второй раз... Вы не рассудили, что значит новый поход белых на Урал... Какая сила для них в артиллерийском складе...

Вскочил на ноги и солдат. Тоже запротестовал:

— Товарищи!.. Мы же спокойно обсудили... в нашей группе скоро не останется ни души...

С кровати сорвался молодой рабочий.

— Позволь, Чумакин!.. Так тоже нельзя!..

Бритый Колесов встал на ноги. Поддержал Чумакина:

— Товарищи! Это азарт... как хотите .. Леонид зарывается...

— Я протестую!

— К чорту!..

Заговорили все сразу. Забыли необходимую предосторожность.

Толпились около стола. Махали руками, дымили папиросами, кричали.

— Да пойми же ты...

— Ничего подобного!.. Нам важно тыл спутать...

— Не тыл, а базы нужно уничтожать... вот!

— Ну, што ты толкуешь...

— А ну вас к чорту!.. Рассчитали, да развесили... революционеры!..

Рыжий Марченко царапал за пазухой и гудел с печки:

— Большевики... Язви вас в душу... трусы!..

Кудластый, засаленный Сосновский стоял за столом в облаках дыма и успокаивал:

— Товарищи... нельзя же... товарищи!..

С печи гудело:

—Ленька!.. Харкни на все... брось!.. Двое оборудуем...

Сосновский махнул рукой. Стал собирать со стола бумаги.

Степанида сидела в углу, большими горящими глазами следила за сыном.

Не узнавала его.

И страшно, и радостно было.

Еще недавно — мальчик... Сейчас главарь — подпольщик. Смелый, бесстрашный... Не знает расчетов и выкладок...

Готов на муку и смерть...

Федоров корень—крепкий... Не сдвинуть... И разговор, как у образованного...

Стоит в центре, широкоплечий, в черной подпоясанной косоворотке; широкое скуластое лицо пылает, синие глаза горят, губы и ноздри вздрагивают.

Спорит, размахивает длинными руками, не уступает.

— Да поймите... какая разница? Склад или поезд...

Есть разница... там будут жертвы!..

Все равно... и тут будут...

— Устал, Леонид... революции трусишь!..

Сосновский вмешался. К порядку стал призывать.

— Товарищи!.. Нельзя же!.. Всем дорого... понятно... Ну, садитесь же... Товарищи!..

Леонид резко повернулся к нему.

— Товарищ Сосновский!.. С каких пор я в трусы попал?

Сосновский махнул рукой:

— Разберешь вас... Садись...

— Нет, ты скажи... ты об'ясни!?... Он сам финтит... а меня...

Переругиваясь, рассаживались по местам.

Сосновский любовно смотрел в лицо Леонида, ласково говорил:

— Не в трусости дело... чудачки вы... пойми... от полуторы сотен... осталось нас... три десятка...

— Все равно... я организую один!.. С Марченкой устроим!..

Сосновский стучал по столу карандашом.

— Верим... Постой... Товарищи! К порядку...

Опять тихо стало в низенькой, накуренной избушке.

— Товарищи! Я думаю: довольно споров...
наговорились... накричались.

Опять несколько голосов в раз:

— Довольно!

— Ясно...

— Голосуй.

Сосновский обвел всех глазами.

— Значит, голоснем?.. Кто за взрыв складов?

— Большинство.

— Кто за взрыв поезда?

— Чумакин, Колесов.

У Сосновского сразу перехватило горло.

Загочорил срывающимся голосом:

— Выходит, што... склад!.. Значит... исполнение поручим...

Запнулся. Растерянно посмотрел в кузь.

— Может, военной группе передадим?... Самы решат...

Вспыхнул Леонид. Вскочил на ноги.

— Я протестую!.. Я выдвинул предложение...

Молчали все. Тихо было в избушке, как в гробу. Тоскливо мигал красный язычок жестянки. Слышно было, как Марченко на печке чмокал трубкой.

Степанида прислушивалась к ударам собственного сердца.

Все тем же охрипшим голосом Сосновский говорил:

— Товарищи!.. Мы все знаем Леонида... нужен он!.. Что скрывать?.. Я так располагаю... здесь—мать...

— Пусть... она решит.

Красный, как кумач, Леонид рванулся из-за стола.

Задыхаясь, крикнул:

— Здесь нет никакой матери!.. Это... безобразие!..

Сосновский смотрел растерянными глазами и бормотал:

— Постой... Леня!.. Не понял ты...

— Довольно!..

В избешке по-прежнему царила тишина. А Сосновский зачем-то опять постучал по столу карандашом.

— Значит, голоснем?..

— Ясно...

— Голосуй...

Буря пронеслась в груди Степаниды. Бледная, как полотно, откинула голову в угол кро-

вати. Кровь застыла в жилах. Хотелось броситься вперед. Телом своим прикрыть. Сохранить.

Леонид схватил с кровати шапку и пальто.
Крикнул:

— Чорт с вами!.. Голосуйте...

Рванул дверь и кинулся из избушки.

Сосновский встал на ноги.

— Леня!.. Постой!..

Без шапки выбежал вслед за Леонидом.

Молча сидели. Хмуро смотрели в пол. Марченко сосал потухшую трубку. Улыбался.

Минуты через три Сосновский с Леонидом вернулись.

Сосновский отеческим тоном ворковал:

— Дурашка... знаем... каждый пойдет... что там. Нельзя так!.. Ну... ты, дак ты... Нам што?.. Товарища жалко.. Нужен ты... в том-то и дело... пойми!..

Леонид вынул из кармана пачку папирос. Морщил гладкий широкий лоб, чиркал спички, не мог закурить.

Солдат Чумакин встал со скамьи. Подошел. Подставил дымящую цыгарку.

— На... закуривай!.. Леший...

Все засмеялись.

Марченко легко прыгнул с печки. Одернул рубаху, хлопнул Леонида по плечу.

— Молодец, Ленька!.. Одобряю...

Сосновский встал сбоку около стола.

— Значит... ясно, товарищи?

— Ясно...

— Довольно.

Колесов улыбался и говорил:

— Всегда так... Из-за чего лаем? Истрепались, язвы ее... Нервишки-то... тово!..

Сосновский крикнул:

— Ну... товарищи!.. По одному... А кому вместе... по два...

Леонид пожал Сосновскому руку. Остальным махнул фуражкой:

— Всего!..

— Счастливо...

Повернулся к матери.

— Пошли, мама.

Первым двинулся из избышки.

Марченко выдернул изо рта трубку, торопливо сплюнул и крикнул:

— Не забудь, Леня!.. Меня-та...

Леонид из сеней ответил:

— Обязательно...

16.

Молча прошли площадь.

Около угла Леонид взял мать под руку.

Тихо говорил:

— Мама!.. Ты не сердись... горячий я... вспылчивый...

— Ну... чево ты, сынок...

— Сорвалось!.. Ты же знаешь... как истосковался по тебе...

— Знаю...

Леонид перевел дыхание.

— Не сердись, мама... сама таким сделала!.. Другую нашел... тоже-мать!.. Великая, истерзанная...

— Понимаешь, мама?..

Не понимала, а сердцем чувствовала Степанида о какой матери заговорил сын.

Обожгло горячей кровью—грудь и голову. Перемешались в сознании—страх, боль и радость.

Животное чувство матери протестовало; требовало—вырвать из страшных когтей смерти; прижать к груди; сохранить. А разум долбил в голову другое, не менее властное:

— Сама куда пошла? Не к ней? Не на борьбу? Он... тоже...

Поняла Степанида. Радостно было от слов сына, что она „сделала таким“.

Подавила материнскую боль.

Тичо сказала:

— Понимаю, сынок... чую...

Большой, широкоплечий, ребенком прижался к руке матери.

— Разве можно сейчас думать о себе?.. Ну, скажи, мама?.. Чумакин всегда так... с расчетом, с размерочкой.. Хороший парень. Сам у Колчака служит... ежеминутно жизнью рискует!.. А как дойдет до дела... чорт его знает, што!.. Вот.. у меня и сорвалось...

— Ничего, сынок... правильно... свое надо забыть...

Леонид крепко сжал руку матери.

— Мама... значит, ты одобряешь мое решение? Благословляешь?

Лихорадочная³ дрожь пробежала по телу Степаниды.

В голове мелькнула какая-то неясная, обжигающая мысль.

С трудом выговорила:

— Иди...

У Леонида голос дрогнул.

— Мама!.. Дорогая!.. Спасибо...

Оба замолчали.

Шли узким досчатым тротуаром. Впотымах поминутно спотыкались. Не замечали лаявших и трусливо обегавших собак.

Оправился Леонид. Снова заговорил.

— Ты замерзла?.. Пойдем скорее...

— Ничего... так это...

— Ты не волнуйся, мама... Оборудуем, как говорит Марченко... без жертв... Уверю тебя!..

— Не об этом, сынок...

Леонид спохватился.

— Об отце?.. Да, мама... надо тебе ехать... поскорее!.. Не хочется мне с тобою расставаться... но...

— Ничего... выручу... выхлопочу...

— А у него ничего не нашли?.. Старое не раскопали?

— Нет...

— Почему же в контр-разведке держат?..

— Перед отъездом слыхала... в тюрьму переведут...

Опять замолчали.

Леонид шел и думал об отце. Сердце тревожно билось. Знал роль, которую играл отец в Октябрьском перевороте и в Совдепе. Знал беспощадность врагов. Боялся за жизнь отца. Боялся, что он не вернется. А партизаны уже два раза нарочных посылали.

Степанида думала о другом.

Не могла разобраться в волновавших ее чувствах. Но уже сознавала, что случайно мелькнувшая мысль захватывает в свои крепкие об'ятия.

Вздрагивала. Отталкивала. И снова погружалась в страшные холодные об'ятия.

Леонид прибавил шагу.

— Ты замерзла, мама... надо торопиться...

— Ничего...

— Скоро посты выставят...

Степанида чуть-чуть сдерживала торопливый шаг.

Хотелось лишнюю минуту побыть с сыном. Хотя бы в ночной тьме, посмотреть на него. Поговорить.

Отдернула руку.

— Не могу, сынок... Не привыкла под руку... Иди-ка вперед...

Немного выдвинувшиеь вперед, Леонид пошел рядом.

— Посмотрел бы на ребят... Ольга, поди, выросла большая...

— Большая!.. Жалость... учебу пришлось бросить...

— Ну и ничего, мама!.. Покончим... снова будет учиться...

— Конечно... до етова ли теперь?.. Прожить бы...

— Дементий, значит, не отстал?.. Работает?..

— Крутится!.. Постегали его недавно... не унывает...

— А меньшевик Гладков?

— У Колчака служит... солдат политике обучает...

Шли и перебирали — родных и знакомых, друзей и врагов.

А думал каждый о своем.

Степанида от озноба поминутно передергивала плечами, поправляла и затягивала пуховый платок, плотнее запахивала полы ватной жакетки.

Навстречу попадались одинокие пешеходы.

Впереди светились огни электрических фонарей.

Леонид говорил:

— Эс-эра Новодворова, помнишь, мама?.. В министры-то метил?

— Как же...

— Ухлопали его... здесь... у нас...

— Туда и дорога... сами... своими руками тянули петлю... нам и себе...

— Верно, мама!.. Верно...

Из-за угла мелькнула фигура всадника.

Конный казак проскакал.

Леонид опять прибавил шаг.

— Надо торопиться... Вон на том углу расстанемся, мама... Опасно дальше...

— Ладно... иди, сынок..

Затрясло Степаниду. Сразу все поняла.

Что-то огромное стало между нею и сыном. Страшная пустота отгородила от мира, от жизни и от сына.

Чувствовала, что здесь он, рядом идет.

И как-будто из иного мира смотрит на него.

Хотелось говорить— как можно больше и дольше. Но не было слов. Голова полна мыслей. А нет, нет слов...

И Леонид чувствовал какую-то страшную тревогу. Чувствовал дрожь и озноб в теле.

И ему хотелось что-то еще сказать.

Напрягал память. Старался припомнить что-то самое главное. Но и у него не было слов, не мог припомнить это главное.

На углу остановились.

— Ну... мама...

Схватил в об'ятия. По-детски прижался пылающим лицом к холодным губам.

— Ты не бойся, мама... Уверяю тебя... Марченко замечательный мужик!

— Ничего, сынок... ничего... Не в том... Чую, ведь, я... Надо...

В крепких и горячих ладонях держал ее руку. Смотрел в глаза.

— Мы, ведь, увидимся завтра?

— Конечно.

— Снаряд привези, мама... обязательно завтра.

— Ладно...

— Ну...

Еще крепче сжал руку.

Не выдержала Степанида.

Рванулась к бесконечно дорогому лицу. Повисла на шее сына. Впилась.

Где-то пронзительно провизжал свисток патрулей.

Оба вздрогнули. Оторвались. Еще раз торопливо пожали друг другу руки.

Кинулись в разные стороны.

И потонули в ночной тьме.

17.

Опять нахмурилось небо. Низко плавали свинцовые облака. Моросил мелкий дождь. Изредка налетал ветер—обмывал мокрой пылью белое станционное здание, широкую платформу, сновавших людей.

Пассажиры торопливо бежали к городской ветке. Боялись опоздать на поезд, под которым стоял уже паровоз и который уходил в город в два часа ровно.

Пока поезд стоял на станции, Степанида сидела в вагоне.

Горела.

Страшная мысль обжигала душу и тело.

Забилась в темный угол вагона—около холодной печки, прижалась к стенке вагона, держала правую руку в кармане плюшевой жакетки. Одна переживала свою драму.

Сама не знала еще, что будет.

А жуткий озноб, не переставая, бегал по телу.

Малые дети не выходили из головы.

Стояли и смотрели широкими открытыми глазенками—с детским укором.

Боле́ла душа. Разрыва́лось се́рдце.

Но клещами мучительных усилий сжимала его. Убеждала себя:

— Пустое это!.. свое... не нужна... какая жизнь? Растоптано!.. Заплевано!..

Плохо разбиралась умом. Но се́рдцем чувствовала:

— Разбито все!..

Другое есть:

— Великие муки!.. Великая скорбы!..

Вспомнила:

— Самим себе должны помочь...

Стояли — измученные, истерзанные, рваные, вшивые, в крови и коростах.

Федор встал: скрюченный, посиневший. Кровь сочилась изо рта, из носа, властно звала и требовала.

Мальчик, расстрелянный, протягивал руки.

Отвечала себе:

— Сами... кто же больше...

Но буйно протестовало здоровое тело. Обжигала страшная мысль. Кричала каждая точка тела. Боле́ла и выла душа звериным воем. Мертвым полотном белело лицо. Закрывались глаза. Стучали зубы.

Боролась Степанида.

И затихла—успокаивалась.

Сама себя обманывала:

— Чего это я?.. Може, зря?.. Выдумываю...

Знала, что давно и твердо решила.

Но обманывала себя. Успокоения искала.

То и дело хлопали двери вагона. С обеих сторон входили пассажиры. Рассаживались по лавкам. Сморкались. Разговаривали.

В темный угол никто не садился. Сумрак и слякоть на дворе надоели. Тянулись к окнам— к серому свету.

Былинкой чувствовала себя среди чужих и равнодушных.

Хотела заглянуть по ту сторону.

И не могла.

Не знала—что там? Есть ли что-нибудь?

Ужас охватывал. Отмахивалась.

Скорбью своей смеялась:

— Враки.. ничего там нет...

Не слыхала звонков

Под окнами резко прозвучал кондукторский свисток. Где-то далеко хрипло ответило эхо.

Дернул поезд. Закачался. Застучал ритмом колес.

В вагон вошел чех—в эlegantной шинельке,
с тесаком у пояса.

У дверей остановился. Осмотрелся.

Все занято.

В темном углу глаза встретились.

Стефан Поливко.

— Здрассте! . Очень рад вам!.. В город?

— В город еду... к знакомым... к вашим...

— Вот прекрасно... могу проводить вас...

— Разве к им?

— Как же... провѣдать нужно...

Замолчали.

Сидел рядом. Бесцеремонно бегал черными
глазами по бледному лицу, по высокой груди,
по талии.

Прошла бригада—билеты отобрала.

Снова заговорил.

— Как поживаете?

— Ничего... живем...

— Скучно вам?

— Почему скушно?

Оскалил крепкие зубы под черными стриже-
ными усами.

— Одни ви... нельзя дамам одним!.. Кавальер
нужен...

Улыбнулась посиневшими губами:

— Какой мне кавалер... старая...

Впились черные глаза. Блестели белые крепкие зубы. Нос торчал—как у хищника.

— Напрасно... ви очинь энттересни!.. Можно очень любить вас...

Большие синие глаза метнули ненависть.

— А Наталью Ивановну... как?

Не заметил взгляда.

— Я вам... говорю!.. Можно проводить вас?

— Провожайте...

Сразу изменил тон. Заговорил—будто взял уже:

— Дело служебное ест... В вагоний парк зайдем.

— Што у вас там?..

— Снаряды грузьят... динамьит... не бойтесь!..

— Чего бояться?.. с кавалером...

И вдруг... Рванул горячий озноб по телу. Закрыла на момент глаза.

Как во сне, слышала животный хохот.

Мелькали обрывки мыслей.

— Вот... нашла... Сейчас... все...

Пылало лицо. Пылали волосы на голове.

Что-то говорил чех. Чему-то смеялся. Бесстыдно ощупывал глазами. Подвинулся ближе. Обдавал противным теплым дыханием.

Вихрем летел поезд под уклон. Вихрем неслись мысли. Бушевало пламя в груди. Звериным воем ревело тело. Протестовало. Боролось. Ничего не слышала, судорожно сжимала холодный металл в платке.

А в ушах гудело и четко выговаривало:

— Так-и-надо... так-и-надо... так-и-надо...

Остановились.

Чех поднялся. Пригласил:

— Пожалуйста...

Вышли из вагона.

Протолкались через густую толпу. Прошли через маленький деревянный вокзал—к площадке перед вагонным парком.

— Позвольте руку?..

Опять улыбнулась своей скорбью:

— Вот как... с чехом... под ручку...

Бзглянула синими углями—прямо в лицо.

Сухим, охриплым голосом сказала:

— Под левую руку не хожу...

Правый карман берегла.

Подставил калачом другую руку.

Пошли между вагонов—в глубь парка.

Поминутно встречались вооруженные посты.

Козыряли чехи.

Весело и беззаботно болтал Стефан.

Плохо вслушивалась.

Жадным взглядом смотрела по сторонам.

В воздухе чуть-чуть моросил мелкий дождь.

Все так же налетал ветер—разносил мокрую пыль. Холодные слезы капали с крыш вагонов.

Небо клубилось в свинцовых клочьях.

Вспомнила:

— Как тогда... на пристани...

Опять:

Лохмотья, коросты, кровь...

Дрожь пробежала по телу. Прижалась к чужой руке.

Почувствовал Стефан. Успокоил:

-- Не бойтесь... здесь свои... все хорошо будет...

С трудом выговорила:

— Конечно... хорошо...

— Русски дам... замечательно энтэресни!..

Ваше тело труситца?.. Я ж с вами!.. Не бойтесь... все будет осторожно...

Узкими коридорами, между вагонов, подходили к середине парка. На окружающей площади, из-за вагонов, виднелись крыши домов. В двадцати шагах стоял грузовой автомобиль.

Толпа чехов работала—перегружала небольшие ящики с автомобиля в вагон. Двое стояли на автомобиле, подавали.

Откуда-то всплыли в памяти слова жены Дементия:

— Никто не заменит тебя... мать ведь ты!?

В последний раз обожгла кровоточащая рана в груди.

— Детушки... родные... Оленька... простите...

Другая мать выросла и встала перед глазами: голодная, оборванная и окровавленная—Россия.

Властно звала.

Требовала борьбы и мести.

— Леня... ты... нужен... ей...

Страшным напряжением воли подавила волнение.

Легко и твердо сделала несколько шагов к автомобилю.

Расступились чехи. Козырнули.

Поливко сказал:

— Вот... видите... не страшно!?

Твердо ответила:

— Нет!..

Рванула из кармана руку — взмахнула.

Небольшой белый сверток, точно белый голубь, описал в воздухе дугу. Стукнулся в середину автомобиля — на ящики.

Раздался взрыв.

За ним второй — страшный, оглушительный.

Дрогнула земля. Качнуло половину города.

Вагонный парк, площадь, вокзал, дома вокруг площади, — все укуталось в смрадной туче.

В дыму что-то трещало, рвалось, падало, пылало и рушилось.

Медленно и жутко пришла тишина.

Черное полотнище, с пылающим костром на месте взрыва, загибало к небу концы от улиц, от домов, выходящих на площадь; обнажало огромное изуродованное кладбище.

На земле валялись обломки вагонов, скоробленное железо, доски, щепы, спиралью свернутые железные брусья, железные оси с колесами, тряпье.

На площади, среди обломков и грязи, белели окровавленные куски человеческого мяса—ноги, руки, волосатые осколки черепов.

В кварталах торчали развороченные ребра заборов и обнаженные стропила исковерканных крыш. Зияли черные дыры выбитых окон. На вершках стекол болтались розовые, окровавленные лоскутья человеческого мяса.

Высоко поднялась черная туча.

Лишь в центре изуродованного парка пылало и трещало пожарище, да кое-где на площади и на крышах домов—тлели головни и тряпки.

Из домов и переулков выбегали обезумевшие люди.

По главной улице, к площади, скакала сотня казаков—с пиками на-перевес.

Сквозь черную тучу на землю капали холодные редкие слезы. Ветер завывал—тоскливо плакал.

А над серым узорчатым фронтоном вокзала с выбитыми стеклами болтался небольшой черный флаг с белыми каемками—разорванный рукав плюшевой ватной жакетки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Глава первая	3
Глава вторая	9
Глава третья	21
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	55
Глава седьмая	58
Глава восьмая	75
Глава девятая	83
Глава десятая	92
Глава одиннадцатая	98
Глава двенадцатая	106
Глава тринадцатая	111
Глава четырнадцатая	116
Глава пятнадцатая	125
Глава шестнадцатая	141
Глава семнадцатая	149

Цена 65 коп.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

в Торг. Отдел Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Новая пл. Б. Черкасский пер., д. 7.

МАГАЗИНЫ:

Комсомольский — Неглинный проезд, д. 8.

Пионерский — Тверская, д. 37,

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, д. 54.